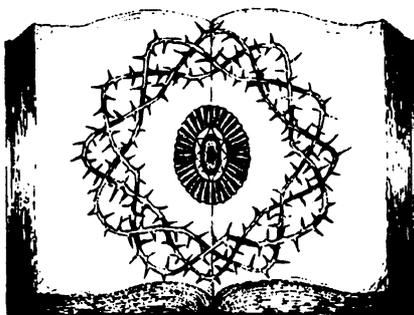

№ 2 (131)

Апрель – Июнь 1993 г.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№2(131)

Апрель — Июнь 1993 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

5 (18) апреля 1993 г. — Светлое Христово Воскресение.

Редакция "Военной Были" поздравляет всех читателей и сотрудников журнала со Светлым Праздником Воскресения Христова.

Воскресение Христово.

Рис. И. Ижакевича.

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.

Хвалите, сонм бесплотных
сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!

Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос
воскрес!
И смерть попрал на веки!

*Великий Князь Константин Константинович ("К.Р."). Из драмы
"Царь Иудейский" (1912)*

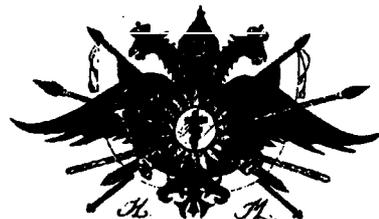
Христос воскрес! — Мир погряз во скверне.
Жить на Земле страшнее каждый час.
Но мы храним незыблемо и верно
Святую Истину, что нам оставил Спас.
Не соблазняясь выпренною ложью,
Мы Знамя Русское как крест должны нести.
Мы знаем, что ведут ко Спасову подножью
Все наши маленькие крестные пути.

В годину тяжкую мы ту же стянем пояс.
Солдатская сума не сломит наших плеч.
Мы до конца, плечом к плечу построясь,
Не выпустим из рук нерукотворный меч.

А если изойдем в борьбе последней кровью,
То не склонив главу перед врагом
С отцовской верою и верностью сыновней
Мы Знамя Русское ко Спасу унесем.
Он нам отверзнет Отчее объятие
И в вечном Царствии Своем на небеси
Приимет нас в ряды крылатых ратей,
Как принял прежде сонмы наших братий,
Не изменивших Матери Руси.

Знамена наши там возреют снова
Во славу Господа и во поправье тьмы:
Се — под Крестом на них провидческое слово:
«Сим победиши», — воины Христовы,
Наш Спас воскрес — и с Ним воскреснем мы!

Н.М. ("Военная Быль", №54, май 1962)

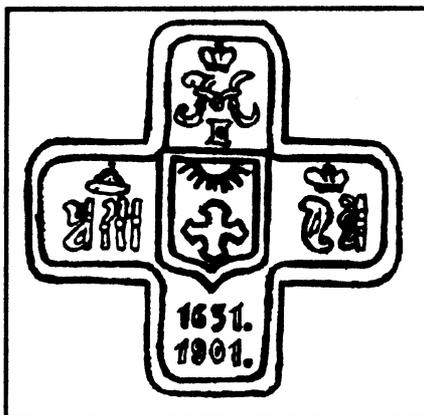

КОННАЯ АТАКА 12-го ГУСАРСКОГО АХТЫРСКОГО ПОЛКА 29 АВГУСТА 1914 ГОДА

(Документы с комментариями)

Подвиги Русской кавалерии в сражениях Первой Мировой войны были постоянной темой журнала "Военная Быль", издаваемого в 1952 — 1974 гг. в Париже под редакцией А.А.Геринга. На его страницах нашли отражение многие конные атаки, в том числе и та, которую 29 августа 1914 г. провели четыре эскадрона 12-го гусарского Ахтырского полка для спасения 48-ой пехотной дивизии генерала Корнилова. В историю Ахтырцев эта атака вошла как "вторая Демня" (от галицийского селения Демня на реке Зубраз), в отличие от "первой Демни", то есть боя 13 августа 1914 г. у другой деревни с таким же названием, в котором 2-ой эскадрон Ахтырских гусар разбил три эскадрона австрийских драгун. Однако точнее будет именовать конную атаку 29 августа атакой при Линденфельде, поскольку упомянутая деревня находилась ближе к месту события, чем Демня.

Этот боевой эпизод получил в Русской армии широкую известность. Генерал А.А.Брусилов особо отметил его в своих воспоминаниях о войне 1914 — 1917 гг., хотя был не совсем точен в деталях. Наиболее подробное описание атаки содержится в неопубликованной работе "12-й Гусарский Ахтырский полк в войну 1914 — 1917 гг.", которую написал в эмиграции бывший офи-

Нагрудный знак 12-го гусарского Ахтырского полка.

цер Ахтырских гусар, ротмистр В.К.Скачков (рукопись Скачкова, хранившаяся в личном архиве известного Русского военного историка генерал-лейтенанта Н.Н.Головина, в настоящее время находится в США). Журнал "Военная Быль" в 1961 г. напечатал статью К.Шургаевича "Атака 12-го Гусарского Ахтырского полка" (№46, январь 1961 г., с. 10-11), а также замечания, которые сделали к ней генерал-майор Н.В.Шинкаренко, участвовавший в атаке с 4-м эскадронам Белгородских улан, и полковник М.Т.Чернявский, отметивший роль 5-й Донской казачьей батареи в бою 29 августа 1914 г. (№48, май 1961 г., с. 30 — 31).

Продолжая данную тему, мы публикуем два документа Российского государственного военно-ис-

торического архива (из фонда "Штаб 12-й кавалерийской дивизии") — рапорт командира Ахтырских гусар начальнику 12-й кавалерийской дивизии от 10 сентября 1914 г. (ф. 3522, оп.1, д.15, лл. 348 — 350) и отрывок из составленного полковым адъютантом "Описания военных действий 12-го гусарского Ахтырского полка 12 июля — 19 сентября 1914 г." (ф.3522, оп.1, д.93, лл. 22 — 25). Эти материалы позволяют уточнить обстоятельства знаменитой атаки, дополнив их новыми подробностями. В дальнейшем мы будем освещать и другие замечательные бои 1914 — 1917 гг., в которых отличилась кавалерия Российской Армии.

Командир 12-го Гусарского полка
10 сентября 1914 г.

Начальнику 12 Кавалерийской дивизии
Вход[ящий] №48
14 сентября 1914 г.

РАПОРТ

Бои 27, 28 и 29 августа имели целью, как известно, удержать наступление значительно превосходящих сил противника на левый фланг 8-ой армии³.

Условия, при которых протекли бои этих дней⁴, для Ахтырского гусарского полка⁴ были особенно тяжелы.

27 августа весь полк был спешен, ведя в течение целого дня упорный бой с противником у с[еления] Го-

* Все даты здесь и далее даны по Юлианскому календарю, который использовался в России в 1700 — 1918 гг. Согласно новому летоисчислению, атака Ахтырских гусар была 11 сентября 1914 г.

** Брусилов, в частности, пишет, что в конной атаке 29 августа 1914 г. приняли участие весь Ахтырский полк и один эскадрон Белгородских улан, то есть семь эскадронов (А.А.Брусилов. Мои воспоминания. М., 1963, с. 107). В действительности в ней участвовали только пять эскадронов, в том числе четыре гусарских.

рожаны Малы, доходивший до штыкового удара, успешный для нас.

Этот день полк расположился на ночлег лишь в 1 час ночи на 28 августа. С 6 часов утра 28 августа полк уже был снова на конях: 4 и 5 эскадроны были направлены в д[еревню] Черкассы для занятия переправы, а остальные эскадроны, в составе 2 бригады, двинулись для занятия с[еления] Гониатице, где в течение 4-х часов находились под сильным огнем противника и отошли только в 9 часов вечера, когда полк расположился на ночлег в д[еревне] Линдельфельд⁵, 4-му и 5-му эскадронам с 2-мя пулеметами, отошедшим от переправы у д[еревни] Черкасск лесу, что юго-восточнее дер[евни] Горбаче, было приказано остаться там на всю ночь для упорной обороны опушки леса.

29 августа полк в 6 часов утра составлял последний резерв дивизии и следовательно всего левого фланга 8-ой армии.

Около 7 час[ов] утра 4 и 5 эскадроны под давлением превосходных сил противника и под его сильным ружейным и пулеметным огнем принуждены были ввиду угрожавшего полного окружения отойти к полку, к которому и присоединились около 9 час[ов] утра.

Противник к полудню начал усиливаться на своем фронте, переходя на этом участке в решительное наступление и захватил западную половину Линдельфельдской рощи. Артиллерия противника, сгруппировавшаяся большой массой в районе селений Вербиц — Гониатице — Черкассы, держала все пространство, занятое нашими частями, под сильным шрапнельным огнем, временами принимавшим шквальный характер.

К 3 час[ам] дня положение сделалось критическим — спешенные части дивизии под натиском сильнейшего противника, выдвигавшего все новые и новые резервы, начали отходить на своих коноводов, которые начали уже обстреливаться действительным огнем наступавшего противника, подошедшего к ним уже на несколько сот шагов⁶.

Для спасения общего тяжелого положения дивизии, а вместе с тем и всего левого фланга армии, Ваше

Превосходительство⁷ приказали оставшимся эскадронам (3, 4, 5 и 6) Ахтырского гусарского полка сесть на коней и атаковать наступающего противника⁸.

Командир полка Полковник Трингам⁹ тотчас-же вывел полк к Вашему Превосходительству и, получив указание о направлении атаки, перестроил полк в соответствующий строй, который ввиду протяжения фронта атаки, был следующий: все четыре эскадрона были выдвинуты в первую линию, первые полуэскадроны по взводно в одну шеренгу, а вторые полуэскадроны по взводно в двухшереножном разомкнутом строю. Под сильнейшим ружейным, пулеметным и шрапнельным огнем полку пришлось идти в атаку по крутому подъему, а поднявшись на гребень, преодолевать окопы, вырытые заранее австрийцами в различных направлениях.

Атака велась до болотистой лощины, которую перейти в конном строю было невозможно и которая тем самым остановила дальнейшее продолжение атаки. На всем фронте цепи противника и часть резерва были частью уничтожены и частью рассеяны, что дало возможность спешенным частям дивизии снова продвигнуться вперед, заставив неприятеля на этом участке поспешно отойти назад и до отхода дивизии не возобновлять попыток к переходу в наступление.

Полк после атаки, очень быстро собравшись, в полном порядке, присоединился к дивизии.

Потери полка выразились: убитыми командир полка Полковник Трингам, Штабс-Ротмистр Панаев П¹⁰, Поручик Нарбут¹¹, Корнет Черевко¹², 19 гусар и 36 лошадей; ранеными: Шт[абс]-Ротмистр Сингаевский¹³, Поручик Жавнер (был ординарцем у Вашего Превосходительства)¹⁴, 72 гусара и 59 лошадей.

Слова, сказанные Вашим Превосходительством после атаки перед фронтом полка — “Низко кланяюсь Вам, Ахтырцы, за Вашу атаку; Вы спасли положение”, — позволяют надеяться, что деятельность полка за дни 27, 28 и 29 августа не останется не отмеченной боевой наградой полку, о чем и ходатайствую¹⁵.

*Полковник Кулжинский¹⁶
Полковой Адьютант¹⁷
Поручик Псиол¹⁷*

Извлечение из ”Описания военных действий 12-го гусарского ахтырского полка 12 июля — 19 сентября 1914 г.”

28 АВГУСТА. ... В 9 ч[асов] вечера полк разместился в д[еревне] Линенфельд, оставленной жителями и разоренной. В этот день, вечером, была получена телеграмма Верховного Главнокомандующего¹⁸, гласившая: что если 8 армия удержится еще дня два на занимаемых позициях, то за этот великий подвиг ее оценит вся Россия и возблагодарит. Наши все армии северные были направлены против австрийцев, желавших сделать прорыв в районе нашего Холма, Люблина. В 7 ч[асов] 30 м[инут] утра 4 и 5 эск[адро]ны с 2 пулеметами под начальством полк[овника] Одицова¹⁹ были направлены в д[еревню] Черкассы с приказанием их занять, что они и сделали. Но часов около 11 утра им пришлось отойти, так как со стороны Гониатице их хотели отрезать. Они отошли и заняли лес, что к востоку от Черкас. В этом лесу они продержались целый день и оставлены были на ночь.

29 АВГУСТА. В 1 ч[ас] 30 м[инут] ночи прискакал взв[одный] унт[ер]-оф[ицер] 4[-го] эск[адрона] Мороз и доложил, что коноводы ночью очевидно заснули, а лошади 4[-го] и 5[-го] эск[адронов] чего-то испугались и все разбежались. Немедленно был послан полуэскадрон 6-го эск[адрона], бывший в дежурной части, которому и удалось поймать 66 лошадей, затем в течении почти всего дня отовсюду приводили лошадей, т[ак] ч[то] в общем пропало всего лишь 12 лошадей. Часов в 6 утра наши 4 и 5 эск[адроны] принуждены были уйти из первого леса под сильным огнем артиллерии и пулеметов противника и занять опушку второго леса, но часам к 9 с полови-

ной им пришлось отойти во-первых потому, что были расстреляны все патроны, а во-вторых, их сменили Стародубовцы²⁰, и они черезчур были утомлены. Очень плохо вообще поставлена на войне интендантская часть: хлеба нет, фуража также. Полк в 6 ч [асов] 15 м [инут] утра вышел из д [еревни] Линенфельда и стал в ложину, что к западу от деревни, от леса, занимаемого нашими 4 [-м] и 5 [-м] эс [кадро] [нами]. Здесь полк простоял до 2 ч [асов] 30 м [инут] дня. Артиллерийские снаряды очень часто жужжали над головами и некоторые разрывались довольно близко от полка. В 2 ч [аса] дня начали посвистывать пули и 2 лошади были даже ранены. В 2 ч [аса] 35 м [инут] дня было приказано двум нашим эскадронам пройти ложинной в д [еревню] Демню и поддержать там Оренбургский полк²¹, т [ак] к [ак] туда якобы пошли 4 эскадрона австрийцев. Пошли эс [адроны] Ея Высочества и 2 [-й] под командой подп [олковника] Цуккерман²². Эти эс [кадро] [ны] не дошли до деревни, т [ак] к [ак] Оренбургцы уже отошли от Демни, и наши эскадроны были обстреляны сильным артиллерийским огнем. К счастью, у нас ранено в этих эскадронах 3 гусара только. Эс [кадро] [ны] отошли к дер [евне] Бродки, где и стали на южной ее окраине. В 3 ч [аса] 20 м [инут] дня начали усиленно жужжать пули над оставшимися в ложине 3, 4, 5 и 6 эскадронами и вслед за этим было получено приказание “Ахтырскому полку атаковать пехоту” — “идти сейчас к Н [ачальни] ку дивизии”. Поднявшись на бугор, не видя пехоты, под сильным свистом пуль, совершенно спокойно Командир полка командует: “Шашки, пики к бою, атака на пехоту; по взводу, под ва взвода в одну шеренгу на 100 шагов дистанции рысью”, а затем “галопом” — “марш”. Лихо, стремительно пошли мы все (3, 4, 5 и 6 эс [кадро] [ны]), быстро рассыпавшись, в указанном Начальником Дивизии рукой направлении в атаку на пехоту. Полные завета наших отцов и прадедов и зная, что Нач [альник] дивизии верит нам и знает, что Ахтырцы исполнят с честью его при-

казание, мы шли на нерасстроенную, а наоборот, на наступающую энергично пехоту, наткнулись на окопы, вырытые в разных направлениях, попали под сильный огонь пулеметов и такой-же шрапнельный огонь. Пронеслись мы, поражая врага, около 4 верст, обратив австрийцев в паническое бегство. Возвращались спокойно мы назад, провожаемые огнем артиллерии. Наши буланчики²³ быстро пронесли нас вперед, трудно было их удерживать. Люди шли весело, с безумной храбростью, не обращая внимания на то, что наши ряды все редели, редели. Мы все находились в аду. Мы с честью выполнили возложенное на нас поручение, как подобает Ахтырцу, каждый думал одно: “я Ахтырец”. Стянувшись к ложине, мы прошли до д [еревни] Бродки, где приводили в известность потерю. Убиты: Командир полка полковник Трингам, шт [абс] -р [отмистр] Панаев II Гурий, пор [учик] Нарбут, кор [нет] Черевко. Ранены: шт [абс] -р [отмистр] Сингаевский и пор [учик] Жовнер, бывший ординарцем у Начальника дивизии. Гусар убито — 23²⁴, ранено 72, пропало без вести — 14; лошадей убито [36], ранено [59]²⁵. Потери большие, очень большие, но с честью, как делали это наши предки, исполнили мы это приказание и не посрамили родного [полка]. Собравшись, мы снова подошли в ложину возле д [еревни] Линенфельда к нашей дивизии. Здесь подъехал к нам Нач [альни] к дивизии и благодарил от всего сердца всех и каждый по очереди эскадроны за атаку. “Вы спасли положение. Вам все обязаны. Вашей атакой выиграно дело, сердечное спасибо Вам, господа”, — сказал Нач [альни] к дивизии, сняв шапку и низко кланяясь полку. “Большие потери. Ужасно тяжело”, — сказал он. Полк в 7 ч [асов] 30 м [инут] вечера прибыл на ночлег в д [еревню] Бродки и выставил 2 полевых караула. Во временное командование полком вступил полк [овник] Одинцов.

Примечания и комментарии

1. В 1914 г. полное название этого полка — 12-й гусарский Ахтырский Генерала Дениса Давыдова,

ныне Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. Являясь одним из старейших в Российской Императорской Армии, он был образован 27 июня 1651 г. как Ахтырский слободской черкасский казачий полк, сформированный из жителей Слободской Украины (так называемых “черкас”). С 3 марта 1765 г. назывался Ахтырским гусарским, с 26 февраля 1784 г. — Ахтырским легко-конным. В царствование Императора Павла I, снова став гусарским, полк носил имена своих шефов: генерал-лейтенанта Линденера (с 29 ноября 1796 г.) и полковника Борчугова (с 18 сентября 1800 г.), но при Александре I (с 31 июля 1801 г.) опять был назван Ахтырским. В середине XIX века он также некоторое время назывался по именам шефов (с 1 января 1840 г. по 25 февраля 1847 г. — гусарским генерал-адъютанта князя Васильчикова и с 15 мая 1850 г. по 19 марта 1857 г. — гусарским Его Королевского Высочества Принца Фридриха-Карла Прусского). В 1857 г. полку было возвращено название Ахтырского, а 25 марта 1864 г. он получил постоянный номер (12-й среди гусарских полков). 18 августа 1882 г. Ахтырский полк Его Королевского Высочества Принца Фридриха-Карла Прусского был преобразован в драгунский, поменяв свой номер на 36-й. С 7 июня 1885 г. (после смерти прусского принца Фридриха-Карла) он именовался просто 36-м драгунским Ахтырским полком, а 27 июля 1901 г. к его названию было добавлено имя нового Августейшего шефа — Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. 6 декабря 1907 г. полк вновь стал 12-м гусарским, и 26 августа 1912 г. ему было пожаловано имя вечного шефа — генерал-лейтенанта Д.В.Давыдова (бывшего Ахтырца и героя Отечественной войны 1812 г.).

Ахтырский полк со славой участвовал почти во всех войнах, которые Россия вела в XVIII и XIX столетиях, получив за свои заслуги немало коллективных наград. В 1914 г. он имел следующие знаки отличия: 1) полковой Георгиевский штандарт с надписями “1651-1851”

и "В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в благополучно оконченную кампанию 1814 года", с Александровской юбилейной лентой, который был дан полку 27 июля 1851 г. (по случаю его 200-летнего юбилея) взамен Георгиевского штандарта, пожалованного 3 мая 1814 г.; 2) 19 серебряных труб с надписью "Ахтырскому полку за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812 года", пожалованных 13 апреля 1813 г.; 3) 21 Георгиевская труба, пожалованные 6 апреля 1830 г. за отличие в Русско-Турецкой войне 1828-1829 гг.; 4) знаки на шапки с надписью "За отличие 14 августа 1813 года", пожалованные 15 сентября 1813 г. за отличие в сражении при Дрездене; 5) гусарские шнуры гвардейского образца на доломаны штаб- и обер-офицеров полка, пожалованные 17 апреля 1878 г. за отличие в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг.

Накануне Первой мировой войны стоянка 12-го гусарского Ахтырского полка размещалась (с 1896 г.) в местечке Межибужье (Меджибож) Летичевского уезда Подольской губернии. Вместе с 3-м Уфимско-Самарским полком Оренбургского казачьего войска Ахтырские гусары составляли 2-ю бригаду 12-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в Киевском военном округе. По штату полк имел 6 эскадронов и насчитывал 1050 человек (4 штаб-офицера, 34 обер-офицера, 5 чиновников, 1007 нижних чинов) и 1087 лошадей (1033 строевых, 54 обозных и рабочих). Летом 1914 г. он находился на сборах в Красном Селе под Санкт-Петербургом, будучи прикомандирован к 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, однако успел возвратиться в Межибужье до начала мобилизации. Во время Первой мировой войны, действуя в составе 12-й кавалерийской дивизии на Юго-Западном и Румынском фронтах, Ахтырцы совершили много выдающихся подвигов, в числе которых лихие конные атаки при Демне (13 августа 1914 г.), под Линденфельдом (29 августа 1914 г.) и при Борятине (28 мая 1916 г.). В 1914-1917 гг. командирами 12-го

гусарского Ахтырского полка были полковники: Н.В.Трингам (20 декабря 1911 г. — 29 августа 1914 г.), С.Н.Кулжинский (3 сентября 1914 г. — 12 июля 1915 г.), С.М.Молоствов (13 августа — 17 сентября 1915 г.), Г.И.Елчанинов I (17 сентября 1915 — 19 октября 1917 г.) и персидский принц Мансур-Мирза (с 19 октября 1917 г.). После Брест-Литовского мира 1918 г. полк был расформирован, но большая часть его офицеров позже присоединилась к Белому движению. Эти офицерские кадры стали ядром дивизиона Ахтырских гусар, воссозданного в 1919 г. в составе Сводного полка 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина. Вместе с ячееками других полков Русской кавалерии Ахтырцы приняли активное участие в Гражданской войне на юге России. В марте 1920 г. они переправились из Новороссийска на Крымский полуостров, где вошли отдельным эскадронам в 3-й кавалерийский полк, а в ноябре того же года, разделив судьбу всей Русской Армии барона Врангеля, были эвакуированы из Крыма в Турцию. В эмиграции долгое время существовало объединение офицеров Ахтырского гусарского полка, члены которого поддерживали традиции гусар-Ахтырцев и ежегодно 2 июля, в день Положения Риз Пресвятой Богородицы во Влахерне, отмечали свой полковой праздник.

2. 12-я кавалерийская дивизия была сформирована 27 июля 1875 г. в Киевском военном округе. Участвовала в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове и в Первой мировой войне на Юго-Западном и Румынском фронтах. В 1914-1917 гг. начальниками дивизии и командующими ею были: генерал-лейтенант А.М.Каледин (с 9 декабря 1912 г.), генерал-майор (с 25 апреля 1917 г. — генерал-лейтенант) барон К.К.Маннергейм (командующий с 18 февраля 1915 г., начальник с 24 июня 1915 г.), генерал-майор Я.Д.Юзефович (командующий с 6 июня 1917 г.) и генерал-майор Г.П.Жуков (командующий с 7 сентября 1917 г.). Ниже приведен состав 12-й кавалерийской дивизии на 27-29 августа 1914 г.

Генерал А.М. Каледин, начальник 12-ой кавалерийской дивизии в 1912-1915 г.г.

Начальник дивизии: генерал-лейтенант А.М.Каледин. Начальник штаба: полковник Генерального Штаба С.Н.Кулжинский. Старший адъютант: штабс-капитан Н.А.Рот.

1-я бригада: генерал-майор Б.А.Кузьмин-Караваев.

12-й драгунский Стародубовский полк: 6 эскадронов. Командир: полковник П.Г.Хачатуров. 12-й уланский Белгородский полк: 6 эскадронов. Командующий: полковник С.П.Чигирин (временно замещал раненого командира полка, полковника В.М.Тусского).

2-я бригада: генерал-майор В.И.Франковский.

12-й гусарский Ахтырский Генерала Дениса Давыдова, ныне Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полк: 6 эскадронов. Командир: полковник Н.В.Трингам — убит 29 августа, затем временно командующий — полковник Н.И.Одинцов.

3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска: 6 сотен. Командир: полковник Г.П.Жуков.

Конно-пулеметная команда (личный состав из 12-го уланского Белгородского полка): 8 пулеметов.

2-й Донской казачий артилле-

Полковник Н.В. Трингам, командир 12-го гусарского Ахтырского полка.

рийский дивизион: полковник Я.П.Антонов.

4-я Донская казачья батарея (войсковой старшина Л.М.Крюков): 6 орудий.

5-я Донская казачья батарея (войсковой старшина И.Г.Седов): 6 орудий.

Всего в дивизии: 18 эскадронов, 6 сотен, 8 пулеметов и 12 орудий.

3. Боевые действия, описанные в рапорте, происходили во время сражения под Гродеком, разыгравшегося 23-30 августа 1914 г. между 3-й и 8-й армиями русского Юго-Западного фронта и австро-венгерскими 2-й и 3-й армиями. 27 августа австрийцы перешли в наступление против 8-й армии генерала от кавалерии А.А.Брусилова, стремясь вернуть потерянный ими ранее город Львов (Лемберг). На левом крыле 8-й армии находился 24-й армейский корпус генерала от кавалерии А.А.Цурикова (48-я и 49-я пехотные дивизии, 4-я стрелковая бригада), поддержанный 12-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенанта А.М.Каледина. Против этих войск командующий 2-й австро-венгерской армией генерал от кавалерии Э. фон Бем-Эрмолли двинул отдельную группу фельдмаршал-лейтенанта барона И.Карга фон Бебенбурга, переброшенную из района Дрогобыча на левый берег Днестра, и 4-й корпус генерала от кавалерии К.Терстьянски фон Надаш (20-я гонведная,

31-я, 32-я пехотные и 43-я стрелковая дивизии), наступавший между двумя притоками Днестра — Верещицей и Щереком. Главный удар австрийцы нанесли по левому флангу русского корпуса, вынудив 48-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Л.Г.Корнилова отступить за реку Щерек. 28 августа пехота генерала Цурикова и кавалерия генерала Каледина сдерживали натиск превосходящих сил противника на левом берегу Щерека и на рубеже реки Зубраз. Утром 29 августа австрийцы после сильной артиллерийской подготовки возобновили свое наступление. С фронта русскую 48-ю дивизию атаковали войска 4-го австро-венгерского корпуса, в то время как с юга ей угрожала обходом 38-я пехотная дивизия гонведа из группы Карга. Понеся большие потери, полки генерала Корнилова начали отходить за реку Зубраз, однако положение спасла 12-я кавалерийская дивизия, которая сумела удержаться на своих позициях. 19 эскадронов и сотен этой дивизии действовали в пешем строю, а остальные 5 эскадронов, стоявшие в резерве у деревни Линденфельд, провели блестящую конную атаку против наступающих цепей венгерской пехоты. В тот же день отряд генерал-майора А.А.Павлова (2-я Сводная и 2-я Кубанская казачьи дивизии), переведенный с крайнего левого фланга, от города Николаева, заполнил разрыв, образовавшийся между правым флангом 24-го корпуса и соседним 8-м корпусом. Таким образом, благодаря усилиям русской конницы был предотвращен обход левого крыла 8-й армии. 30 августа кавалерийская дивизия Каледина перешла в Николаев, а в ночь на 31-е австро-венгерские войска, находившиеся перед 24-м армейским корпусом, отступили на запад, за реку Верещицу.

4. Во время Гродекского сражения 12-й гусарский Ахтырский полк насчитывал около 1000 сабель. Ниже приведен список офицеров и чиновников полка, состоявших налицо 27-29 августа 1914 г.

Штаб полка.

Командир полка: полковник Н.В.Трингам — убит 29 августа.

Помощник командира полка по строевой части: полковник Н.И.Одинцов. Младший штаб-офицер: подполковник А.Я.Цуккерман. Младший штаб-офицер: подполковник В.И.Вишневецкий. Полковой адъютант: поручик Г.Н.Псиол. Полковой казначей и квартирмейстер: поручик Д.В.Нарбут (числится в 3-м эскадроне) — убит 29 августа. Заведывающий нестроевой командой: поручик М.А.Похлебин. И.д. помощника командира полка по хозяйственной части: ротмистр М.А.Чириков. Делопроизводитель по хозяйственной части: титулярный советник Я.В.Макаренко. Младший врач: лекарь К.К.Замойский. И.д. старшего ветеринарного врача: коллежский ассесор В.Е.Кабачинов. Младший ветеринарный врач: титулярный советник [?] Арсеньев. Полковой священник: А.С.Руженцов.

Эскадрон Ея Высочества (1-й). Ротмистр Н.И.Елчанинов II (командир эскадрона). Штабс-ротмистр Н.А.Куликовский. Поручик В.К.Скачков. Поручик К.К.Плисовский. Корнет В.П.Аглаимов.

2-й эскадрон. Штабс-ротмистр С.В.Чадов (командует эскадроном вместо ротмистра Б.А.Панаева I, убитого 13 августа). Поручик Б.Н.Немцов. Корнет Н.А.Ильяшенко.

3-й эскадрон. Ротмистр Л.А.Панаев III (командир 4-го эскадрона, но временно командует 3-м эскадроном вместо заболевшего ротмистра Г.Б.Диамбекова). Штабс-ротмистр А.М.Лермонтов II. Корнет Г.В.Боуфал. Корнет Ф.Г.Кроун.

4-й эскадрон. Штабс-ротмистр Г.А.Панаев II (временно командует эскадроном вместо ротмистра Л.А.Панаева III) — убит 29 августа. Штабс-ротмистр П.Н.Сынгаевский — ранен 29 августа. Штабс-ротмистр Н.И.Славин. Корнет П.П.Комов. Корнет Селецкий.

5-й эскадрон. Ротмистр Г.И.Елчанинов I (командир эскадрона). Штабс-ротмистр К.К.Клюки фон Клугенау. Поручик Б.М.Иваненко. Поручик Н.Ф.Темперов — убит 27 августа. Поручик М.Н.Степаненко. Корнет Н.Е.Черевко — убит 29 августа.

6-й эскадрон. Ротмистр

В.М.Лермонтов I (командир эскадрона). Штабс-ротмистр М.А.Волошинов. Поручик М.М.Жовнер (с 18 июля состоит ординарцем при начальнике 12-й кавалерийской дивизии) — ранен 29 августа. Поручик барон Б.П.Черкасов. Корнет Э.Э.Змунчило.

Всего 4 штаб-офицера, 27 обер-офицеров и 5 чиновников.

5. Так в тексте. Правильное название этой деревни — Линденфельд (Lindenfeld).

6. Против спешенных частей 12-й кавалерийской дивизии наступала 38-я пехотная дивизия гонведа (венгерского ландвера), командир которой фельдмаршал-лейтенант барон Й.Карг фон Бибенбург возглавлял отдельную группировку, действовавшую на правом фланге 2-й австро-венгерской армии. Ниже приведен состав этой дивизии.

73-я пехотная бригада гонведа: генерал-майор К.Липпен фон Надьсентмиклош.

21-й пехотный полк гонведа — 3 батальона и 6 пулеметов. 22-й пехотный полк гонведа — 3 батальона и 6 пулеметов.

76-я пехотная бригада гонведа: полковник А.Бенке фон Тардошкедд.

23-й пехотный полк гонведа — 3 батальона и 6 пулеметов. 24-й пехотный полк гонведа — 3 батальона и 6 пулеметов.

Дивизионная кавалерия: 1-й и 2-й эскадроны 2-го гусарского полка.

38-я полевая артиллерийская бригада: полковник Э.Верц.

34-й полевой артиллерийский полк — 5 батарей (30 орудий). 5-й полевой артиллерийский полк гонведа — 4 батареи (24 орудия).

Всего: 12 батальонов пехоты (и 24 пулемета), 2 эскадрона кавалерии, 9 артиллерийских (пушечных) батарей (54 орудия).

К сожалению, мы не располагаем точными данными о том, какая именно пехотная часть 38-й дивизии гонведа являлась объектом конной атаки Ахтырских гусар 29 августа 1914 г.

7. Имеется в виду Алексей Максимович Каледин (1861 — 1918), который в 1912 — 1915 гг. был на-

чальником 12-й кавалерийской дивизии (в чине генерал-лейтенанта), затем (с июля 1915 г.) командовал 12-м армейским корпусом, с 21 марта 1916 г. — 8-й армией (в чине генерала от кавалерии) и с 17 июня 1917 г. по 29 января 1918 г. занимал должность войскового атамана Донского казачьего войска.

8. Вместе с четырьмя эскадронами Ахтырских гусар в этой конной атаке участвовал также 4-й эскадрон 12-го уланского Белгородского полка под командой ротмистра В.А.Шумова. Кроме того, успеху атаки способствовала своим огнем 5-я Донская казачья батарея войскового старшины И.Г.Седова.

9. Трингам Николай Васильевич (1860 — 1914) — сын надворного советника, уроженец Санкт-Петербурга. Окончив Тверское кавалерийское училище в 1881 г., начал службу корнетом в 14-м драгунском Литовском полку. С 1885 г. — поручик, с 1889 г. — штабс-ротмистр, с 1894 г. — ротмистр. В 1898 — 1907 гг. находился в постоянном составе Офицерской кавалерийской школы, где 28 февраля получил чин подполковника. 22 апреля 1907 г. произведен в полковники и 20 декабря 1911 г. назначен командиром 12-го гусарского Ахтырского полка. Имел ордена Св.Станислава 3 степени (с 1895 г.) и Св.Анны 2 степени (с 1911 г.). Убит в конной атаке 29 августа 1914 г. и похоронен 30 августа в ограде униатской церкви города Николаева. Посмертно награжден орденом Св.Георгия 4 степени “за то, что в бою 29 августа 1914 года, командуя 4-м эскадронами вверенного ему полка, атаковал в конном строю пехоту противника, чем остановил успех противника и расстроил наступление его частей” (“Русский Инвалид” №20 от 24 января 1915 г.).

10. Панаев II, Гурий Аркадьевич (1880 — 1914) — один из четырех сыновей отставного полковника А.А.Панаева, происходивший из дворян Казанской губернии. Окончив в 1901 г. Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, он был выпущен корнетом в 36-й драгунский (впоследствии 12-й гусарский) Ахтырский полк. С 1904 г. — поручик, с 1907 г. — штабс-рот-

мистр этого полка. Числился в 4-м эскадроне младшим офицером, в 1909 — 1914 гг. был начальником полковой учебной команды. Являясь великолепным наездником, Г.А.Панаев II много занимался конным спортом, неоднократно брал первые призы на соревнованиях по конкуру. В Ахтырском гусарском полку кроме Гурия Панаева служили офицерами два его брата — Борис и Лев (четвертый брат Платон был военным моряком). Старший из них, ротмистр Б.А.Панаев I, командуя 2-м эскадронам Ахтырцев, пал геройской смертью в конной атаке под Демней 13 августа 1914 г. и за свой подвиг посмертно награжден орденом Св.Георгия 4 степени. Гурий Аркадьевич вскоре был представлен к такому же ордену “за то, что 27 августа 1914 года вызвался охотником доставить чрезвычайной важности приказ (от генерала Каледина начальнику 2-й Сводной казачьей дивизии генерал-майору А.А.Павлову, чей отряд, расположенный у местечка Стрый, был отрезан австрийцами от 12-й кавалерийской дивизии — А.В.), с тремя гусарами прорвался сквозь расположение противника и доставил означенный приказ, причем два гусара были ранены и убиты две лошади” (“Русский Инвалид” №25 от 30 января 1915 г.). Однако эта награда оказалась посмертной, так как уже 29 августа 1914 г. Г.А.Панаев II погиб в конной атаке под Линденфельдом. По свидетельству очевидцев, он скакал с пикой в руке во главе командуемого им 4-го эскадрона, но при прохождении третьей линии противника потерял лошадь и, действуя пешим, был сражен пулей и осколком снаряда в грудь. Офицеры 12-го уланского Белгородского полка видели лежащего на земле тяжело раненого Гурия, который успел крикнуть им: “Пошлите матери сказать, что я убит в конной атаке” (Е.Поселянин [Е.Н. Погожев]. Краса русской армии брата Панаевы. Петроград, 1917, с. 24). Тело штабс-ротмистра Г.А.Панаева II было обнаружено через несколько дней в овине. На груди убитого нашли семейную святыню — сделанный в виде архиерейской панагии образ Спаса Пре-

Штабс-ротмистр Г.А. Панаев II.

ображения, который Гурий носил после гибели своего старшего брата Бориса. Третий представитель этой славной русской семьи, служивший в Ахтырском полку, ротмистр Л.А. Панаев III также был убит на поле брани (в бою у местечка Лютовиска 19 января 1915 г.) и посмертно награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Мать трех погибших за Россию героев-Ахтырцев, Вера Николаевна Панаева получила в 1916 г. пожизненную ежегодную пенсию в 3000 рублей и особую награду — Знак отличия Святой равноапостольной Княгини Ольги.

11. Нарбут Дмитрий Владиславович (1888 — 1914). Происходил из дворян Ковенской губернии. Окончив Николаевское кавалерийское училище, в 1910 г. поступил

корнетом в 12-й гусарский Ахтырский полк, в 1913 г. произведен в поручики. С 3 октября 1913 г. — полковой казначей и квартирмейстер. Убит 29 августа 1914 г. в конной атаке, в которой участвовал, находясь при 3-м эскадроне Ахтырских гусар. Похоронен 30 ав-

Ротмистр Б.А. Панаев I.

густа в ограде униатской церкви города Николаева.

12. Черевко Николай Ефимович (1880 — 1914). Из дворян Варшавской губернии. В 1902 г. произведен в корнеты из эскадрон-юнкеров 7-го драгунского Новороссийского полка и тогда же уволен в запас. Призван по мобилизации в июле 1914 г. и зачислен в 12-й гусарский Ахтырский полк. Убит 29 августа 1914 г. в конной атаке под Линден-

фельдом, похоронен 30 августа 1914 г. в Николаеве.

13. Так в тексте. Имеется в виду Сынгаевский Петр Николаевич (1881 — ?), происходивший из дворян Гродненской губернии. В 1903 г., по окончании Николаевского кавалерийского училища он вступил корнетом в 36-й драгунский (впоследствии 12-й гусарский) Ахтырский полк, в 1907 г. произведен в поручики, в 1911 — в штабс-ротмистры. Участвовал в Русско-Японской войне 1904 — 1905 гг. (вместе со сводным эскадрон Ахтырцев). 29 января 1913 г. он был прикомандирован к Елисаветградскому кавалерийскому училищу, но 31 июля 1914 г. вернулся в свой полк, вместе с которым принял участие в

Ротмистр Л.А. Панаев III.

Первой мировой войне. Ранен 29 августа 1914 г., находясь в рядах 4-го эскадрона.

14. Так в тексте. Имеется в виду Жовнер Митрофан Митрофанович (1890 — ?), поручик 12-го гусарского Ахтырского полка (произведен 10 сентября 1913 г.). С 13 ноября 1913 г. он занимал должность делопроизводителя полкового суда, числясь в 3-м эскадроне, и 18 июля 1914 г. был назначен ординарцем начальника 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Каледина. 29 августа ранен в конной атаке Ахтырских гусар под Линденфельдом.

15. За бой 29 августа 1914 г. командир 12-го гусарского Ахтырского полка полковник Н.В.Трингам был посмертно награжден орденом Св.Георгия 4 степени, а заместивший его во главе четырех атакующих эскадронов подполковник Владимир Иванович Вишневский — золотым Георгиевским оружием. Последнюю награду также получили ротмистры Георгий Иванович Елчанинов I, Владимир Михайлович Лермонтов и Лев Аркадьевич Панаев III — “за то, что в деле 29 августа 1914 г., когда на левом фланге 24-го корпуса наша пехота, находившаяся между дер. Демния и лесом, что западнее дер. Линденфельдт, начала успешно отходить под давлением значительных нерасстроенных сил противника, поддерживаемых сильным артиллерийским и пулеметным огнем”, бросились во главе своих эскадронов в атаку и личным примером довели их “до удара холодным оружием, несмотря на встреченные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника” (“Русский Инвалид” №233 от 23 октября 1914 г.).

16. Кулжинский Сергей Николаевич (1869 — ?) — полковник Генерального Штаба (с 1908 г.), затем генерал-майор (с июля 1916 г.). С 9 апреля 1910 г. он занимал должность начальника штаба 12-й кавалерийской дивизии и с 3 сентября 1914 г. по 12 июля 1915 г. возглавлял 12-й гусарский Ахтырский полк (Высочайший приказ о его назначении полковым командиром был подписан 14 октября 1914 г.).

17. Псиол (Псел) Георгий Николаевич (1890 — 1920). Происходил из дворян Полтавской губернии. В 1909 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище и поступил корнетом в 12-й гусарский Ахтырский полк. 10 сентября 1912 г. произведен в поручики и 6 ноября того же года назначен полковым адъютантом. Составил публикуемое нами “Описание военных действий 12-го гусарского Ахтырского полка 12 июля — 19 сентября 1914 г.” Вместе с Ахтырскими гусарами Г.Н.Псиол участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. В 1919 — 1920 гг. он командовал (в чине полковника) Сводным полком 12-й кавалерийской дивизии генерала Каледина, сражавшимся против красных на юге России. Погиб в бою в 1920 г.

18. Имеется в виду Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич Младший (1856 — 1929).

19. Одинцов Николай Иванович (1875 — ?), полковник (с 6 декабря 1911 г.), затем генерал-майор (с 14 июля 1917 г.). Окончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального Штаба. В 1895 — 1904 гг. служил в 36-м драгунском Ахтырском полку, пройдя чины от корнета до штаб-ротмистра. В 1904 — 1910 гг. — младший офицер Николаевского кавалерийского училища, где был произведен в ротмистры (12 августа 1907 г.) и подполковники (12 августа 1908 г.). С 28 марта 1910 г. — делопроизводитель канцелярии Генерал-инспектора военно-учебных заведений, с 28 июля 1914 г. — помощник командира 12-го гусарского Ахтырского полка по строевой части. За отличие в бою 27 августа 1914 г. награжден Георгиевским оружием. 29 августа временно возглавил полк, но уже 1 сентября 1914 г. был замещен полковником Генерального Штаба А.Ф.Матковским, которого 3 сентября в свою очередь сменил С.В.Кулжинский. С 15 ноября 1916 г. по 22 октября 1917 г. Н.И.Одинцов командовал 12-м уланским Белгородским полком, затем состоял по армейской кавалерии.

20. Имеются в виду 1-й, 2-й и

3-й эскадроны 12-го драгунского Стародубовского полка, усиленные двумя пулеметами дивизионной конно-пулеметной команды.

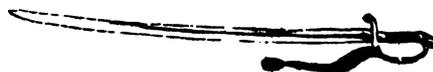
21. 3-й Уфимо-Самарский полк Оренбургского казачьего войска.

22. Цуккерман Александр Яковлевич (1864 — ?), подполковник (произведен 26 февраля 1911 г.), затем полковник (с 7 октября 1916 г.) 12-го гусарского Ахтырского полка.

23. Буланных лошадей имели 4-й, 5-й и 6-й эскадроны Ахтырского полка. В первых трех эскадронах они были соловые, а у трубачей — изабеловой масти.

24. Число убитых гусар (23 человека) не совпадает с данными рапорта командира полка от 10 сентября 1914 г. В РГВИА имеется список нижних чинов 12-го гусарского Ахтырского полка, выбывших из строя в августе 1914 г. Согласно этому документу, 29 августа в 3-м, 4-м, 5-м и 6-м эскадронах было убито 14 человек, пропало без вести 11 и ранено — 40, причем в числе последних указаны только те, кого отправили на дивизионный перевязочный пункт. Кроме того, 29-го числа выбыло из строя 3 нижних чина 2-го эскадрона. Среди погибших в конной атаке находился унтер-офицер трубачей 3-го эскадрона Феофан Иванович Хоменко. Его сигнальную трубу, подобранную пехотинцами, начальник 48-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Л.Г.Корнилов лично передал генералу Каледину, сказав при этом: “Славные Ахтырцы спасли мою дивизию от разгрома, а меня от позора, я никогда не забуду атаки Ахтырских гусар”. (К. Шургаевич. Атака 12-го Гусарского Ахтырского полка. — “Военная Быль” №46, январь 1961, с.11).

25. В тексте документа вместо конских потерь полка — пробелы, поэтому мы подставили здесь цифры, приведенные в рапорте полковника Кулжинского от 10 сентября 1914 г.

“ДОНСКАЯ ВОЛНА”

(К 75-летию со дня выхода первого номера)

Семьдесят пять лет назад, 10 (23) июня 1918 года в Ростове-на-Дону вышел в свет первый номер нового журнала, называвшегося “Донская Волна”. Главным редактором его был донской журналист Вениамин Алексеевич Краснушкин, публиковавший свои очерки и фельетоны под псевдонимом “Виктор Севский”.

Появление нового журнала не было редкостью в то бурное время. Немало таких изданий возникало, чтобы в одном-двух номерах обругать большевиков, посетовать по поводу уничтожения ими культуры и... тихо скончаться, никем не замеченными и никем не оплаканными, кроме своего редактора и издателя.

А “Донская Волна” — выжила.

Выжила, ибо цели ее авторов были слишком высоки, чтобы от достижения их можно было легко отказаться. Выжила, ибо создатели ее проявили незаурядное мужество и самоотверженность, настойчивость и упорство. Выжила, несмотря на все препятствия на их пути и на тяжелые условия, в которых приходилось работать. Когда В.А.Краснушкин в мае 1918 г. пришел к одному из ростовских толстосумов-меценатов с просьбой о материальной помощи в деле издания журнала, ставящего своей задачей “собрать историю дней Корнилова и Каледина, воспеть борьбу за великую Россию”, — меценат показал в сторону Батайска (там еще стояла Красная гвардия, обстреливавшая Ростов из пушек) и спросил:

— Вы хотите, чтобы меня повесили вместе с вами на фонарном столбе большевики?

Виктор Севский и его сотрудники этого не хотели — и начали издание журнала на свои собственные деньги, на свой страх и риск, не за-

крывая глаза на возможность в самом деле быть повешенными “на фонарном столбе”.

Своей целью журнал имел собиранье и публикацию материалов о Белом движении, о славных и трагических днях А.М.Каледина и Л.Г.Корнилова, А.М.Назарова и В.М.Чернецова. В отличие от большинства сиюминутной и недолговечной периодики того времени, “Донская Волна” была не только и не столько хроникой “текущих событий”, — но изданием, направленным прежде всего в будущее. Собирая свидетельства и воспоминания очевидцев и участников “великих потрясений” России, журнал помогал тем самым “грядущему Гомеру”, будущему создателю новой “Войны и Мира”, и недаром в подзаголовке “Донской Волны” (“Еженедельник истории, литературы и сатиры”) слово “История” стоит на первом месте.

Во вступительной статье первого номера Виктор Севский апеллировал к широким слоям читающей публики. “Наши плечи слабы, но мы обопремся на всех, кто любит бег донской волны, любит погибших мучеников за волю и правду и готов согреть их память лампадами воспоминаний.

Мы обращаемся ко всем друзьям донской истории и ее героев [с просьбой] помочь нам”, — писал он. И это обращение нашло отклик. На страницах журнала соседствовали неумелые, но искренние воспоминания людей, быть может, впервые взявшихся за перо — и настоящие исторические исследования, глубокие и интересные по содержанию, несмотря на небольшой объем; стихи “профессиональных” поэтов — и нескладные, но задорные походные песни первых Белых воинов (“Донская Волна” была одним из первых изданий, начавших публиковать этот фольклор Гражданской войны); жанровые зарисовки и едкие карикатуры известных художников — и фотографии из семейных альбомов, снимки по-

гибших партизан и добровольцев, составившие страшный мартиролог “Жертвы Гражданской войны”.

Издававшийся на территории Войска Донского, под редакцией казака Краснушкина (станции Константиновской), журнал не мог не нести на себе отпечаток местного, донского колорита. Это проявилось и в обращении к седой казачьей старине, и в этнографических заметках, публикации народных песен и т.п. И все же не этим материалам принадлежало в журнале основное место, и не они определяли его лицо. Несмотря на свое название, “Донская Волна” была журналом не столько специфически “донским”, сколько общерусским. “Над Доном и над Орлом одно небо — широкое, бескрайное — русское”, — писал Виктор Севский. Да и название журнала он объяснял тем, что “на Дон пришли Алексеев и Корнилов и отсюда погнали на Москву волну освобождения”.

И такая “Российская ориентация” тоже была причиной многих трудностей и неприятностей для небольшого редакционного и авторского коллектива журнала. Изданию, воспевавшему Алексеева, Корнилова и Деникина, начертавших на своем знамени “Единая, Неделимая Великая Россия”, суждена была нелегкая судьба, ибо 1918 год на Юге России стал годом расцвета всевозможной “самостийности”.

“Родились мы в тяжелую пору, и по той бездне испытаний, которые нам выпали на долю, быть может, наш год пути назовут ледяным литературным походом”, — писал Виктор Севский.

Оккупационные германские власти запрещали распространение “Донской Волны” на Украине, и послушный своим берлинским покровителям Гетман П.П.Скоропадский также поспешил объявить журнал “вражеским” изданием... Немало неприятностей ожидало журнал и на родном Дону, так что не зря назвал однажды Виктор Сев-

По страницам «Донской Волны»

Генерал Э.Ф. Семилетов, командир Сводного Партизанского корпуса.

Рис. Н. Ильина, 1919.

ский «Донскую Волну» «литературным партизанским отрядом».

Далеко не случайны здесь слова «партизанский отряд». Помимо своего основного смысла, они напоминают о конфликте, расколовшем казачество летом 1918 года — столкновении между Атаманом П.Н.Красновым и бывшими начальниками партизанских отрядов, руководителями Степного похода, — о конфликте, в котором В.А.Краснушкин и руководимый им журнал решительно стали на сторону «степных генералов» П.Х.Попова, В.И.Сидорина, Э.Ф.Семилетова — вождей партизанского движения.

Этот конфликт, начинавшийся, наверное, как простая борьба самолюбий, характеров и личных амбиций, вскоре усугубился разницей в «ориентациях» (германской у Краснова и союзнической, «добровольческой» — у степных генералов). Атаман Краснов не только изгнал из Донской Армии Попова, Сидорина, Семилетова и многих их соратников, не только расформировал партизанские отряды, но и позволял себе пренебрежительные, оскорбительные высказывания в адрес партизан, которые в трудные минуты всеобщей трусости и апатии одни поднялись на борьбу за

гибнущую Россию... Любимец Атамана, командующий Донской Армией генерал С.В.Денисов уже примеривался к «исправлению» истории, — а это время в Ростове-на-Дону, под боком у Краснова и Денисова, издавался журнал, посвящавший целые номера героям Степного похода, публиковавший (с сочувственным предисловием) «Записки Походного Атамана» П.Х.Попова, демонстративно печатавший портрет «отставленного» Семилетова в штатском платье...

И реакция властей не заставила себя долго ждать. Было «признано нежелательным» распространение журнала в школах Донской Области. Было прервано (вероятно, не без приказа свыше) начатое в «Донской Волне» печатание записок партизана-степняка, героя Белой борьбы есаула Ф.Д.Назарова, и вовсе был запрещен к публикации уже подготовленный для печати и заявленный в одном из номеров «Дневник» опального генерала Семилетова. А последней каплей, переполнившей чашу терпения Атамана Краснова, стала публикация в

газете «Приазовский Край» очерка Виктора Севского «Степные генералы», в котором редактор «Донской Волны» писал о Попове, Семилетове и Сидорине: «Душеприказчики Каледина, наследники Назарова — они унесли в степи идею вольного казачества в зимнюю непогоду февральских дней...

За ними шли тени старых атаманов, и они, эти тени, звали под знамена степных генералов всех вольных, всех смелых».

Этого уж никак не мог вынести Краснов, сам в дни восстания казачества против большевиков весной 1918 г. скрывавшийся под немецкой фамилией и отказавшийся возглавить отряд обратившихся к нему казаков. (Атаманом генерал Краснов стал уже после освобождения Новочеркасска и Ростова, в котором значительную роль сыграли как раз вернувшиеся из Степного похода партизаны.) Генерал Денисов (конечно, с санкции Атамана) арестовал В.А.Краснушкина и распорядился выслать его за пределы Донской Области... «Все знали, что удар Денисова не по одному мне, а

По страницам «Донской Волны»

Партизанская могила. Могила павших в бою 11 мая 1919 г. на р. Донце у хут. Каничева партизан-семилетовцев.

Рис. командира 1-го Донского Семилетовского партизанского отряда есаула П.С. Тацына, 1919.

По страницам «Донской Волны»

Боец Отдельной Донской партизанской самокатной сотни, входившей в состав Сводно-Партизанского корпуса.

Рис. К. Винталовой, 1919.

по журналу. Гнев Денисова должен был обрушиться и на моего заместителя”, — вспоминал редактор «Донской Волны».

Но привести в исполнение свой приказ Донской командарм все же не решился. Возможно, «не по зубам» оказался ему пользовавшийся слишком большой известностью Виктор Севский, еще в дни Атамана Каледина редактировавший правительственный орган — газету «Вольный Дон»; а может быть, в отношении непокорного журнала и его редактора было решено сменить «тактику кнута» на «тактику пряника». Делались попытки «помирить» В.А.Краснушкина с Атаманом Красновым обещаниями материальной помощи и поддержки, — но конфликт между «добровольчеством» и «самостийностью», между Россией и «Казакией» был глубже, чем то казалось Краснову и Денисову. «Донская Волна» оставалась на прежних, «добровольческих» позициях вплоть до отставки Краснова в феврале 1919 года, после чего вопрос устранился сам собой: во главе Всевеликого войска Донского стал соратник Корнилова и Деникина,

первопоходник, генерал А.П.Богаевский. На первые роли выдвинулись и степные генералы: П.Х.Попов стал председателем Войскового Правительства, В.И.Сидорин сменил С.В.Денисова на посту командующего Донской Армией, Э.Ф.Семилетов возглавил вновь созданный Сводно-Партизанский корпус.

Это продолжавшееся не один месяц противостояние облеченного верховной властью Атамана — и тоненького журнала (20 полос, из которых не менее двух было, как правило, отдано под рекламу и объявления), издаваемого маленькой группой людей, может показаться незначительным и несерьезным. Но на самом деле оно служит наглядным доказательством бескомпромиссности, верности своим убеждениям, мужества создателей «Донской Волны», — тех черт, которые и выделяли, наверное, этот журнал из моря безликой и малоинтересной периодики.

Маленькая семья «Донской Волны», этот, возвращаясь к сравнению Виктора Севского, «литературный партизанский отряд... где не было литературных генералов, штаб-офицеров от искусства, а работали рядовые, все равные во имя великой России», с замечательным упорством и настойчивостью пробивался как через препоны властей, так и через технические трудности. «Не хватало бумаги, цинка, спирта для промывки клише. Когда купец Епишкин женится на купчихе Крутозубовой, для пригластных билетов на их бракосочетание находится веленевая бумага, но если хочешь рассказать о бранных подвигах Чернецова, то наживешь на лбу мозоли от поклонов», — горько иронизировал Виктор Севский. Создатели «Донской Волны» могут считаться в полном смысле слова участниками Белой борьбы, и по праву многие из них носили офицерские погоны (Генерального Штаба полковник Я.М.Лисовой, штаб-ротмистр Н.Т.Добровольский, подъесаул М.Ф.Филиппенков, подпоручик С.А.Пинус...)

Были специально отмечены и заслуги редактора журнала. В день

первой годовщины «Донской Волны», которую партизаны отмечали как свой собственный праздник, было сказано немало теплых слов о журнале, ставшем летописью Белого движения на Юге России. Председатель Войскового Правительства П.Х.Попов, исполнявший в тот момент и обязанности Донского Атамана, прислал Виктору Севскому телеграмму: «В день годовщины основания «Донской Волны» горячо приветствую баяна партизан, пробуждающего и зовущего идейных работников на ниве воссоздания Единой России». В украшенном Георгиевской лентой поздравительном адресе от Сводно-Партизанского корпуса говорилось: «Благодаря Вам, общество узнало, как зарождались, как вели неравную борьбу и как умирали бескорыстные идейные бойцы, верные сыны Родины. Вы воздвигли нерукотворный памятник принесшим свои молодые жизни на алтарь Отечества». А в заключение празднования генерал Семилетов лично огласил приказ по Сводно-Партизанскому корпусу о производстве Вениамина Краснушкина «за заслуги его перед Доном и Россией в деле борьбы с большевизмом» в старшие урядники 3-го Донского Дудаковского партизанского отряда.

... В редакционной статье первого номера «Донской Волны» Виктор Севский писал:

«Если свернем наше знамя, значит, нас мало, значит, мы слабы.

Но мы уйдем с верой, что нас не осудят за мечту напомнить живым о тенях славных и святых, погибших за нас и, быть может, от нас».

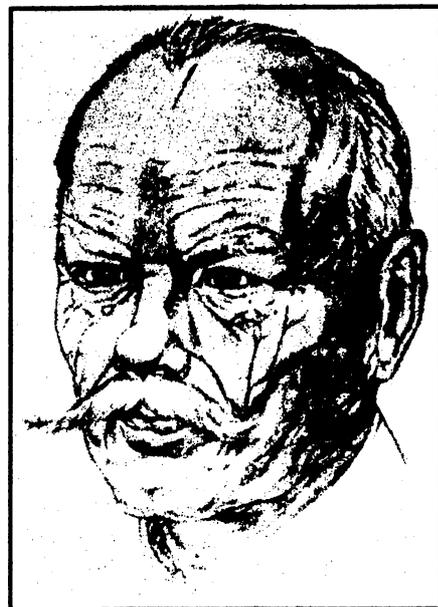
Но знамя «Донской Волны» оставалось развернутым до трагических дней последнего отступления Белой армии. Точно неизвестно, какой номер журнала стал последним, — известно лишь, что «Донская Волна» прекратила существование в конце 1919 года, а вскоре погиб и ее редактор.

Для красных Виктор Севский давно был ненавистен. Еще в мае 1919 года, уходя из его родной станции Константиновской, большевики взяли в качестве заложницы его мать — П.А.Краснушкину (дальнейшая ее судьба неизвест-

ПО СТРАНИЦАМ “ДОНСКОЙ ВОЛНЫ”

Виктор СЕВСКИЙ

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ

Генерал М.В. Алексеев

Рис. Л. Кугина, 1918 г.

на). И когда после отступления Белой армии с Дона (Новочеркасск был сдан на Рождество 1919/1920 г., Ростов — на следующий день) В.А.Краснушкин попал в руки большевиков, ожидавшая его участь была ясна: редактор “Донской Волны” был расстрелян за создание столь враждебного большевизму журнала.

Но журнал остался. Пусть за семью печатями, но экземпляры “Донской Волны” сохранялись и дошли до наших дней, представляя собой исторический источник неопределимой важности.

Еще в 1919 году Виктор Севский писал, оглядываясь на первый год пути, пройденного “Донской Волной”: “Нас укрепляло в желании работать то, что часто к нам приходили за историческими справками, часто мы находили цитаты из журнала в брошюрах и календарях, порой с указанием источника, а чаще без него. Мы не сетовали на рой пенкоснимателей, жавших, где не сеяли, и продолжали свое дело...” Высоко оценивали журнал и эмигрантские историки. И сейчас, три четверти века спустя, эти оценки полностью подтверждаются. Исполняются слова приват-доцента Петербургского Университета А.П.Сухова, во время Гражданской войны ставшего рядовым партизаном Дудаковского отряда, что “Донская Волна” “представляет собой первоисточник, к которому будущий историк нашего времени неминуемо должен будет обратиться”.

... На праздновании первой годовщины журнала полковой поэт Корниловского ударного полка прапорщик А.П.Кривошеев приветствовал В.А.Краснушкина несовершенными по форме, но идущими от сердца стихами:

*“Верьте, Севский, минут тужи.
И под звон, Кремлевский звон,
От лица Руси могучей
Не забудут Вам поклон!”*

И они действительно заслужили наш поклон — создатели “Донской Волны”, мужественные люди, зажигавшие свои лампы вопреки всем попыткам их затушить.

Те, кто “посмел быть свободными”.

А. Кручинин

Среди имен зачинателей освобождения России имя генерала Алексеева наименее известно широким кругам русского общества, хотя недавно исполнился только год со дня смерти верховного руководителя Добровольческой Армии.

России известен верховный правитель, верховный главнокомандующий, но кто знает бывшего верховного руководителя?

Толпе нужен герой, толпа любит и помнит тех, кто у всех на устах, с лицом запоминающимся, с именем звучным.

— У Корнилова и имя-то обещающее: Лавр, — говорили о Корнилове даже когда он сидел в Быкове.

— Ведь имя Лавра и Георгия герою битв и смелых дел, — пел о герое Бальмонт.

У Шкуро фамилия за себя говорит.

У Мамантова усы, на которые можно намотать любой револьвер.

Колчак в переводе с татарского — рукавица.

У Алексеева фамилия, каких много, Алексеевых в России чуть меньше, чем Поповых и Ивановых. Имя — Михаил, отчество — Васильевич. Предки в шестой книге не записаны. Рост такой, что в любой, самой маленькой свите затеряешься.

Когда я думаю о том пути, который прошел покойный Алексеев от ротного командира армейского полка до верховного руководителя

Добровольческой Армии, мне вспоминается анекдот из его жизни, рассказанный бывшим учеником Алексеева в Академии — донским атаманом Богаевским.

В Академии, где-то на примерном учении, эскадронный командир предложил профессору Алексееву лошадь. Профессор поблагодарил:

— Спасибо, мне нужно поскорее, а потому уж я пешком.

Так и карьеру, и путь к бессмертию в истории Михаил Васильевич Алексеев прошел пешком.

Корнилов и его жизнь — для Дюма, для романа.

Шкуро и Мамантов для залихватской солдатской песни.

Алексеев — для вдумчивого историка — бухгалтера времен, течений, настроений.

Перед богиней Клио предстанет маленький, седенький генерал с портфелем и расскажет, как он из Петрограда, после речей в предпарламенте, который метко зовут бредпарламентом, ушел на Дон и здесь в “Европейской” гостинице, под сводами старого дворянского дома помещиков Двухженовых, стал возрождать русскую армию.

Что было у генерала Алексеева на Дону в ноябре?

Чистый блокнот, в который он

заносил по одному добровольцев, и четыреста рублей, данных на армию каким-то Мининым наших дней, тряхнувшим мощной на все четыреста.

В мешковатом штатском костюме, с галстуком, похожим на полотенце, неумело затянутом на тонкой шее, бывший верховный главнокомандующий миллионными армиями, бывший генерал, перед которым почтительно вставал даже полковник Преображенского полка Романов, жил в Новочеркасске под псевдонимом генерал Алексеев.

Без него не обходилось ни одно заседание донского правительства. Атаман Каледин подчеркивал, что у него нет секретов от Михаила Васильевича. После его речи даже представитель крайних левых течений в донском правительстве почтительно назвал старого генерала его высокопревосходительством.

Армия вышла из блокнота генерала Алексеева, армия выросла в тысячи штыков, армия — чудо, но у генерала нет бардов и есть только один Баян — полковник Лисовой, кропотливо подбирающий каждую черточку в жизни старого дедушки новой русской армии.

А пока для освобожденной России генерал Алексеев — только икона в окне Освага без лампы неугазимой. А пока... На одном из вокзалов генерал Деникин в изумлении не нашел ни одного портрета генерала Алексеева в витрине Освага и строго сказал:

— Не слишком ли рано стали забывать генерала Алексеева. Приказываю повесить его портрет.

Следовательно, даже в окне Освага Алексеев — икона, пред которой лампы зажигаются только приказом по армии.

Добровольческая Армия родилась на Дону в ноябре семнадцатого года, в декабре стала Корниловской, ибо 6 декабря прибыл в Новочеркасс Корнилов, 31 марта 1918 года стала Деникинской, но никогда и никто не звал ее по имени верховного руководителя — Алексеевской.

Говорят, что когда-то Алексеев,

улыбаясь из-под густых нависших унтер-офицерских бровей умными глазами, сказал:

— Лавр Георгиевич забрал у меня все лавры и все Георгии.

Я помню те дни на Дону, когда армию, чтобы не дразнить демократических гусей, звали скромно Алексеевской организацией.

Так она и осталась Алексеевской организацией, обросши лаврами Корнилова, Деникина, Маркова и прочих славных.

Алексеев не водил армию, ее вел Корнилов, в авангарде шел Марков, в арьергарде — Богаевский, а Михаил Васильевич, слабый и немощный, ехал в коляске. Но руководителем был все же он.

Кабинет министров весь помещался у него в голове.

Финансы, политика, дипломатия.

Ведь когда умер Алексеев, первая телеграмма, которая пришла из Екатеринодара, была с сообщением: — Алексеева заменят генералы Драгомиров, Лукомский и по внешней политике — Нератов.

Трое вместо одного. Очевидно, хорошая голова была у этого генерала, скромно державшегося в тени, в тужурке защитного цвета. Не блистал, неблестел, так и в истории — в тужурке защитного цвета.

Император, Гучков, Керенский, Корнилов, Каледин, Деникин — это все исторические вехи на пути биографии последних лет Алексеева.

Для всех нужный и для многих чужой.

При Императоре — его начальник штаба.

Настолько ценный, что Император даже у фотографического аппарата, позируя для иллюстрированных журналов, уступает место над картой фронта Алексееву. Алексеев объясняет, Император внимает.

И все-таки генерал не в моде: в переписке с Гучковым и Милюковым.

При Керенском тоже не в моде и все-таки — не было военного конфликта, при котором не звали бы Алексеева.

И при Корнилове — верховный руководитель.

Русская дипломатия больше столетия была монопольной привилегией двух-трех полурусских фамилий. Русским дипломатом мог быть родовитый недоросль, если только у него был пробрит гладко пробор посреди головы. Оттого теперь так гладко и побриты наши границы. Там сбрили участок, здесь губернию.

И когда Россия перестала быть, дипломатом надо было делаться генералу Алексееву. Чтобы окончательно не побрили.

И дипломатом в самые трудные моменты.

России нет, немцы на Украине, немцы на Дону. Добровольческая Армия едва ли не в кольце, вся Россия — на перегоне от Куцевки до Екатеринодара.

В Ростове сидят искусители фон-Армы, фон-Кнеруэры и предлагают Алексееву снаряды, патроны. Только измени союзникам.

В Новочеркасске донской атаман Краснов патетически восклицает на круге:

— Где они — эти союзники?

В донском штабе того времени самонадеянный генерал Денисов посмеивается над Добровольческой Армией:

— Странствующие музыканты.

Посол гетмана Скоропадского смеется еще злее:

— Блуждающая почка.

Генерал Алексеев числится за контр-разведкой.

И все-таки он обходит все скалы и рифы, и армия хранит политическую добродетель.

Дипломатический паркет особенно скользкий, однако Алексеев, ходивший за славой пешком в солдатских сапогах, уводит армию от немецких соблазнительей, дьяволов, у которых соблазняющее яблоко зовется ориентацией.

Он умер, не дожил. Он сам говорил:

— Добровольческая Армия — мое последнее дело на земле.

Но и одно это дело заставило бы бухгалтера времен — историка открыть ему текущий счет внимания и почтения.

1919

Сергей ПИНУС

ИЗ ЦИКЛА "В ДОНСКИХ СТЕПЯХ"

8 июля состоялись в Усть-Медведицкой станице похороны жертв боев 6 — 7 июля. Похоронная процессия направилась на самую высокую точку горы "Пирамиды", где и преданы земле павшие.

"Север Дона" от 10 июля 1918 г.

Свершилось. С жизнью
кончен ранний счет.
Все отдали, жизнь отдали за
други;
Спасли народ на труд и на
досуги.
К их подвигу чью мысль не
увлечет?
Свершили дело доблести
казацкой
И, спасши братьев, спят в
могиле братской.

Свершилось. И зарыты их
гроба
На темени горы большой,
где веет
Лишь ветер вольный, где лишь
дождик сеет
Посев цветов, да выются
ястреба.
И вместе спят герои там
родные,
Орлята Дона, рыцари степные.

И с той горы степь видно:
далека,
Раскинулась она зеленым
лугом,
И Дон идет могучим
полукругом,
Вдали блестит
Медведица-река;
Внизу ж, у ног могилы
богатырской,
Сияют главы церкви
монастырской.

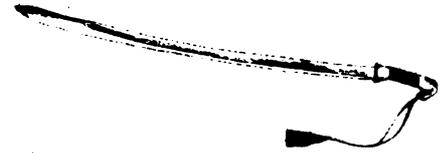
И в час, как хоронили их,
вдали
Над полем, где они сраженны
пали,
Склубились тучи, молнии
засверкали,
И полосы дождя с небес
сошли;
Но обошли, гонимы
дуновеньем,
Те тучи вокруг холма с
благоговеньем.

Так, гору ту могилой сделал
рок,
И подвиг сделал гору ту
престолом.
Стоит она, вздымаясь над
долом
И синим Доном, между двух
дорог;
Там чобора святое благовошь,
И молится ей мглистое
Задонье.

1918

Валентин ПЕТРОВ

ГИМН ДУДАКОВЦЕВ

Мы, дети родимого Дона,
Семья молодых партизан,
Свои распустивши знамена,
Рассеем кровавый туман.
Мы злых не боимся наветов,
Шумит партизанский прибой,
Гроза для врагов Семилетов
В горячий бросается бой!
И подвигом славным

украшен,
Не дрогнет в бою партизан,
В атаке противнику страшен
Наш смелый лихой атаман!
Мы все за свободу и волю,
За родину нашу умрем,
И рабские цепи неволи
Рукою могучей порвем.
Нависли густые туманы,
Земные раскаты дрожат,
Донские седые курганы
Великую тайну хранят.
Как свет загорится свобода!
Вперед, за отчизну пойдём,
За счастье родного народа
На ниве кровавой умрем!
Свободы заря заалела,
Мы сбросили цепи оков.
На ратное смелое дело
Зовёт атаман Дудаков.
Мы, дети родимого Дона,
Семья молодых партизан,
Свои распустивши знамена,
Разгоним кровавый туман.

1919

Партизаны на Донце
Дудаковцы: старый и малый.

Рис. Н. Ильина, 1919 г.

ОНИ ПРИДУТ...

Утихнет грохот орудийной канонады, отзвучат торжественные колокола возрожденных кремлевских куполов.

Стройные колонны войск с трехцветными флагами и старыми боевыми знаменами под звуки Корниловского марша разойдутся по казармам, праздничная нарядная толпа пойдет по домам.

На улицах снова начнется серая сутолока старых милых будней.

Грозный броневик будет развозить воды "Калинкина", и на грузном внушительном танке предприимчивый торговец повезет из деревни в город молоко.

А с аэропланов будут сбрасывать новогодние, пасхальные и именинные письма.

И тогда они придут.

Рано утром адвокат Иванов спустится со своей квартиры к парадной двери с молотком и отверткой и снимет металлическую дощечку: "Защитник 47 московского революционного трибунала, член коммунистической ячейки "Сознательный бедняк", председатель съезда союзов северных подкомиссий общества Р.А.З.Б.О.Я., секретарь пролеткульта и член-делопроизводитель профессионального союза Х.В.А.Т.А.И.З.А.Г.О.Р.Л.О., прием от 6 до 10".

На место вынутой дощечки приберет такую же новую, но более нарядную:

"Иван Иванович Иванов, присяжный поверенный московского округа, председатель общества "Все для инвалидов", член-казначей "Партизанского Дома". Прием от 5 до 6".

Потом подыметесь в квартиру, достанет тщательно запрятанное столовое серебро, золотые вещи, буржуазную библиотеку, пройдет в фешенебельный кабинет и сядет за томик Герцена.

А вечером, сидя в дамском обществе, вынет из массивного серебряного портсигара с массой золотых

монограмм ароматную папиросу и, щуря сытые спокойные глаза, он начнет благодушно цедить сквозь ослепительно-белые зубы:

— Д-да... Добровольческая армия, конечно, сделала свое дело и мы должны быть ей благодарны, но, между нами, те способы...

Видите ли, когда в русском городе Новочеркасске ген. Корнилов начал организовывать армию, то неопределенность ее политической физиономии и явная подозрительность поведения отшатнули от нея широкие круги населения и за поддержкой она ушла на Кубань.

Вытерев клетчатым платком запотевшие стекла очков, профессор истории возьмется за томик, где бесхитростно будет описываться история зарождения России на Дону, медленно и внимательно перечтет и напишет:

— У генерала Каледина не было ни широкой самостоятельной инициативы, ни воли претворять ее в жизнь. Он не имел смелости открыто поддержать ген. Корнилова ни во время его выступления, ни в период пребывания последнего в Ростове. Помощник его Митрофан Богаевский был блестящим оратором, человеком с большой поэтической душой, но совершенно неспособным к управлению. Вообще оба они были скорее поэтами, чем правителями.

Талантливый столичный фельетонист (имевший политическую мудрость не подписывать своей фамилией в "Коммунаре") возьмет комплект "Донской Волны" и напишет рецензию.

— Приветствуя благородную патриотическую мысль редактора, мы не можем все же не указать на явную провинциальность издания. Не говоря уже о безобразности клише, отсутствии крупных литературных сил, материал сам по себе не представляет исторической глубины и широты, ограничиваясь летучими набросками, зачастую ценности ученического пера.

Много горьких слов мы услышим, мы увидим воочию все недостатки наши и ошибки управления.

Беспощадной критике будут подвергнуты наши атаманы, вожди, книги, газеты, министерства, школы, бумажные деньги...

Они — спокойно жившие в Москве — найдут много слабых мест у нас, маленьких людей, дерзновенно не подчинившихся красной России на маленьком клочке гордой территории.

За ними будет сила знания, таланта и опыта.

Они придут раньше нас.

Ибо они никуда не уходили.

И они заглушат нас.

Ибо никогда не простят нам того, что мы смели быть свободными.

1919

ПРИМЕЧАНИЯ

Материалы журнала "Донская Волна" печатаются по текстам публикаций:

Виктор Севский. Генерал Алексеев // Донская Волна. — 1919. - №32 (60). — Стр. 1,2.

Сергей Пинус. Из цикла "В Донских степях" // Донская Волна. — 1918. — №9. — Стр.7.

Пинус Сергей Александрович (1875 — не позднее 1930) — поэт и журналист, окончил Московский Университет. Бывший преподаватель Усть-Медведицкого реального училища, друг известного донского литератора Ф.Д.Крюкова. Офицер военного времени (подпоручик, 1919). В "Донской Волне" публиковал свою лирику, стихи памяти А.М.Каледина, М.П.Богаевского и других героев Белого движения. Летом 1920 г., состоя в Донском Офицерском резерве, работал в редакции "казачьей народной газеты" "Сполох", издававшейся в Мелитополе во время наступления Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля. В эмиграции сотрудничал в казачьей периодической печати. Публикуемое стихотворение посвящено памяти бойцов партизанского отряда (из учащейся молодежи станицы Глазуновской) подесаула Алексеева, погибших в неравном бою с "красными казаками" бывшего войскового старшины Ф.К.Миронова возле станицы Усть-Медведицкой.

Валентин Петров. Гимн Дуда-

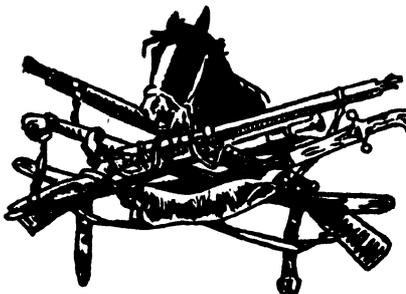
ковцев // Донская Волна. — 1919. — №28 (56). — Стр.3.

Дудаковцы — бойцы 3-го Донского Дудаковского партизанского отряда (сформирован в марте 1919 г. как Донской Северный партизанский отряд), названного так по имени своего шефа (и, по некоторым данным, командира) войскового старшины Павла Романовича Дудакова, одного из первых организаторов анти-большевицких казачьих восстаний на Верхнем Дону весной 1918 г., члена Большого Войскового Круга. Дудаковский отряд входил в состав Сводно-Партизанского корпуса (впоследствии — дивизия) генерал-майора Эммануила Федоровича Семилетова и получил боевое крещение 1/14 апреля 1919 г. в бою у станции Репная. Сведений о том, был ли «Гимн Дудаковцев» положен на музыку, не имеется.

Фил. Пенков. Они придут... // Донская Волна. — 1919. — №30 (58). — Стр. 16, 17.

«Фил. Пенков» — псевдоним Максимилиана Филипповича Филиппенкова (1897 — 1920). В 1918 г. он командовал сотней казаков при освобождении Новочеркасска повстанческими дружинами «Донского корпуса» войскового старшины М.А.Фетисова (1/14 апреля 1918) и при последующем их отступлении в станицу Заплавскую. После повторного взятия Новочеркасска М.Ф.Филиппенков служил по военно-судебной части Штаба Донской Армии, подьесаул. Постоянный сотрудник «Донской Волны» (фельетоны в стихах и прозе). При отступлении Донской Армии в 1920 г. умер на Кубани от сыпного тифа.

*Публикация и примечания
А.Кручинина*

С рис. А. Воронецкого, 1918

САЛЗАН

Из истории Гражданской войны на Востоке России летом 1918 года

(Подборка документов)

Окончание.

Начало см. №1(130)

ПРИКАЗ

отряду, действующему в районе
Слюдянка и восточнее
№ 1

Ст.Слюдянка. 1 августа 1918 года
Карта 2 версты в дийме.

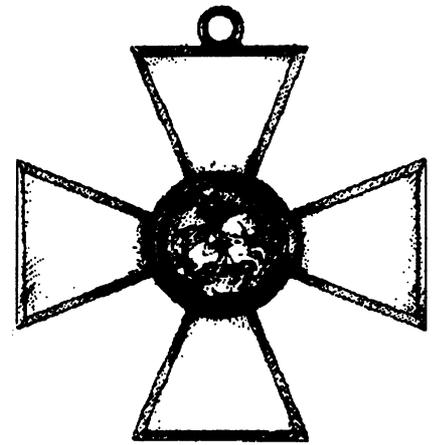
п.1

По приказанию Командующего Восточным фронтом, в коман дование русскими и чешско-словацкими войсками отряда, действующего на станции Слюдянка и восточнее, я вступил.

п.2

В состав отряда входят:

- 1 Томский полк
- 2 Томский полк
- 3 Томский полк
- 4 Томский полк
- Барнаульский полк
- 2 Новониколаевский полк
- 7 Чешского полка — 1, 2, 5, 7, 8, 10 и 11 роты
- 1 Томский артиллерийский дивизион — 4 орудия
- 4 Чешско-Словацкая гаубичная батарея — 4 орудия
- 5 Чешско-Словацкая гаубичная батарея — 4 орудия
- 6 Чешско-Словацкая гаубичная батарея — 4 орудия
- 1 эскадрон Томского кавалерийского дивизиона
- 3 сотня Енисейского казачьего полка
- Отдельная Нижнеудинская сотня

Отдельная железно-дорожная рота

Инженерная рота Средне-Сибирского корпуса

Подлинный подписал:

Командир Средне-Сибирского корпуса, Полковник Пепеляев

С подлинным верно:

*Старший Адьютант,
Подпоручик Крамаренко*

ПРИКАЗ

войскам, действующим в районе
станции Слюдянка и восточнее.

№2

Ст.Слюдянка 1 августа 1918 года

I

Противник, значительными силами перейдя в наступление после боя у реки Паньковка, подошел к станции Мурино.

В 18 часов 31 июля вел атаку против правого фланга частей, расположенных у моста реки Лангату; атаки его отбиты.

Командующий войсками Восточного фронта мне приказал:

- 1) Ликвидировать наступление
- 2) Подготовить наступление на Мысовую и Верхне-Удинск и
- 3) По окончании работ в тоннеле №39 перейти в это наступление.

II

Во исполнение сего,
ПРИКАЗЫВАЮ:

Боевой участок
Полковник Вишневский

2 Томский полк
3 Томский полк
Барнаульский полк
2 Ново-Николаевский полк
1 Томский эскадрон
3 сотня Енисейского каз. полка
Отдельная Нижне-Удинская сотня

Артиллерийский дивизион — 4 орудия

4 Чешско-Словацкая гаубичная батарея — 4 орудия

Итого: 1680 штыков, 18 пулеметов, 8 орудий и 2 1/2 сотни кавалерии

Упорно оборонять позицию западнее станции Мурино по линии реки Лангатай и высотам;

Фланги охранять, держа на флангах части уступом.

Короткими ударами на фланги наносить возможно большие потери.

III

Резерв

Капитан Кадлец
1,2,5,7,8,10 и 11 роты 7 Чешско-Словацкого полка

1 Томский полк
4 Томский полк

Итого: 1900 штыков, 115 пулеметов.

Сосредоточиться в районе Слюдянка. Быть готовыми немедленно поддержать боевой участок. Иметь неприкосновенный запас боевых припасов и продо вольствия на 7 дней. Наблюдать и охранять постройку тоннеля и охранять берега озера Байкала.

IV. Склад огнестрельных припасов — на станции Слюдянка.

V. Продовольственный склад — там же.

VI. Санитарный поезд — там же.

VII. Обращаю внимание всех начальников на организацию довольствия; требую, чтобы войска ни в чем не терпели нужды; Корпусному Интенданту озаботиться доставкой продовольствия для войск фронта всеми способами, не останавливаясь перед расходами.

VIII. Я буду на разъезде Салзан, куда и присылать донесения.

IX. Мои заместители: капитан Кадлец и полковник Вишневский.

Подлинный подписал:

Командир Средне-Сибирского корпуса, полковник Пепеляев

С подлинным верно:

*Старший Адъютант,
подпоручик Крамаренко*

ПРИКАЗ

отряду, действующему в районе восточнее разъезда Салзан

№1/оп

раз. Салзан 1 августа 1918 года

1.

Противник, значительными силами перейдя в наступление, после боя у реки Паньковки подошел к станции Мурино.

В 18 часов 31 июля вел атаку против правого фланга частей, расположенных у моста реки Лангатай; атаки были отбиты.

Командиром Средне-Сибирского корпуса мне приказано:

1) Ликвидировать наступление противника.

2.

Во исполнение сего, ПРИКАЗЫВАЮ:

Боевой участок

Подполковник Вольский
Барнаульский полк — 4 роты, пулеметная команда — 5 пулеметов

1-я полевая батарея 1-го Томского дивизиона — 2 орудия

4-я Чешско-Словацкая гаубичная батарея — 3 орудия

Итого: 392 штыка, 5 пулеметов и 5 орудий.

Упорно оборонять позицию западнее станции Мурино по линии реки Лангатай и высоты.

Фланги охранять, держа на флангах части уступами.

Короткими ударами на фланги наносить возможно большие потери.

3.

Резерв

Капитан Ивакин.
2-ой Новониколаевский полк —

3 роты, пулеметная команда — 4 пулемета

7-го Чешско-Словацкого полка — 4 роты, 16 пулеметов

1-й Томский кавалерийский эскадрон — 60 сабель

Итого: 732 штыка, 20 пулеметов и 60 сабель.

Сосредоточиться в районе разъезда Салзан и 197-й версты. Быть готовыми немедленно поддержать боевой участок. Иметь неприкосновенный запас боевых припасов и продовольствия на 7 дней.

Охранять берега озера Байкал.

4.

В моем распоряжении имеются следующие части, расположенные в районе станции Утулик:

2-ой Томский полк

3-ий Томский полк

3-я сотня Енисейского казачьего полка

Отдельная Нижнеудинская сотня.

5.

Склад огнестрельных припасов — на станции Салзан.

6.

Продовольственный склад — на станции Утулик.

7.

Головной питательно-перевязочный пункт — на станции Утулик.

8.

Я буду на разъезде Салзан.

9.

Мои заместители: полковник Укке и подполковник Вольский.

*Начальник 1-ой дивизии Средне-Сибирского корпуса,
полковник Вишневский*

РЕЛЯЦИЯ

боя 4, 5 и 6 Августа 1918 года на 196-ой — 197-ой версте у мостика на реке Шириндаихе, в котором участвовал 3-ий Томский Сибирский Стрелковый полк

Составлена 8 Августа 1918 года.

Ст. Слюдянка

Третьему Томскому Сибир-

скому Стрелковому полку, стоявшему в резерве на станции Утулик, 3 Августа в 12 часов было приказано перейти на разъезд Салзан.

Оставив 1-ю роту и обоз полка на станции Утулик для несения караульной службы, я с остальными ротами и командами вышел в 15 часов 10 минут со станции и к 19 часам подошел к разъезду Салзан.

Прибыв на разъезд, я расположил полк биваком. Командир корпуса ознакомил всех начальников отдельных частей с боевой задачей, которая состояла в том, что три полка и две роты Чехов должны были около 196-ой версты свернуть в горы для выполнения особой задачи и там встать в засаде, и по демонстративном отходе наших передовых частей наш отряд должен зайти в тыл противнику. Продуктов было приказано взять с собой на три дня.

Ровно в 1 час 4-го Августа части отряда двинулись к востоку по направлению к станции Мурино. Дойдя до мостика через реку Шириндаиху на 196-ой версте, 3-ий полк двинулся вправо от линии в горы по тропинке вдоль речки Шириндаиха. После трех-часового подъема на гору полк перевалил через гору и расположился скрытно в ложине меж гор.

Костров зажигать и громко разговаривать я запретил, чтобы не дать возможности открыть свое местопребывания. Расположившись полк, я выставил наблюдательный пост для наблюдения за движением по линии и вошел в связь с Командиром корпуса, 2-ым Новониколаевским полком и Полковником Вишневым. Полк был расположен в ложине в 4 часа 4 Августа.

В 6 часов 35 минут на наблюдательном пункте полка было замечено медленное отхождение наших частей по линии по направлению к разъезду Салзан.

В 8 часов 45 минут было замечено

движение уже передовых частей противника, и в 8 часов 50 минут показался около сторожевой будки на 198-ой версте броневик противника.

Прошедшая разведка противника, не обнаружив ничего, дала знать своим об отступлении наших частей, и мимо нашей засады стали двигаться один за одним поезда противника.

В 10 часов на наблюдательном пункте полка Командиром корпуса были собраны: Начальник дивизии, Командиры полков и Командир Чешского батальона, которым и было Командиром корпуса отдано приказание весь день 4-го и 5-го сидеть скрытно не выходя, а 6-го в 2 часа 3-му полку занять позицию вправо от мостика через реку Шириндаиху, отряду Полковника Вишневого — влево от той же речки, а 2-му Новониколаевскому полку и двум ротам Чехо-Словаков — идти наступать на станцию Мурино. Подрывному отряду Новониколаевского полка в 24 часа 5 Августа взорвать пути около моста через речку Шириндаиху и прервать телеграфное сообщение между разъездом Салзан и станцией Мурино.

Получив приказание, я приказал полку находиться в том же положении и ожидать момента наступления.

Ночь прошла спокойно. За ночь было замечено нашими наблюдателями, что по направлению разъезда прошло, кроме первого броневика, еще броневик и несколько составов каких-то эшелонов. Некоторые эшелоны, наполненные людьми, шли через некоторое время порожними обратно.

В 14 часов 5 Августа в направлении линии влево от реки Шириндаиха, против расположения отряда Полковника Вишневого, поднялась стрельба, утихшая очень быстро, после чего видно было уезжавших человек 15 кавалеристов противника к полот-

ну железной дороги. Кто стрелял, выяснять не удалось.

До 18 часов все было тихо опять, в 18 часов 10 минут вновь началась стрельба настолько продолжительная и учащенная, что можно было установить об открытии нашего местонахождения.

Командир корпуса приказал частям двинуться на заранее определенные позиции.

Полк в 18 часов 50 минут выступил на позицию к линии железной дороги и к 20 часам был расположен около линии железной дороги в том порядке, который указан на схеме².

При подходе к позиции полк был обстрелян перекрестным огнем с линии железной дороги, а 4-я рота, вышедшая на правом фланге на линию, должна была броситься в атаку на броневик, который стоял вблизи этого места и обстреливал подходивший полк из пулеметов. Кроме броневика на правом фланге нашего расположения оказалась еще густая пехотная цепь противника, расположившая пулеметы по небольшим возвышенностям.

4-я рота, бросившись в атаку на броневик, своим правым флангом заставила податься и цепь вместе с броневиком назад.

Противник вынужден был дать подкрепление своей цепи и, только после сильного насадения этого подкрепления, 4-я рота вынуждена была отойти в горы.

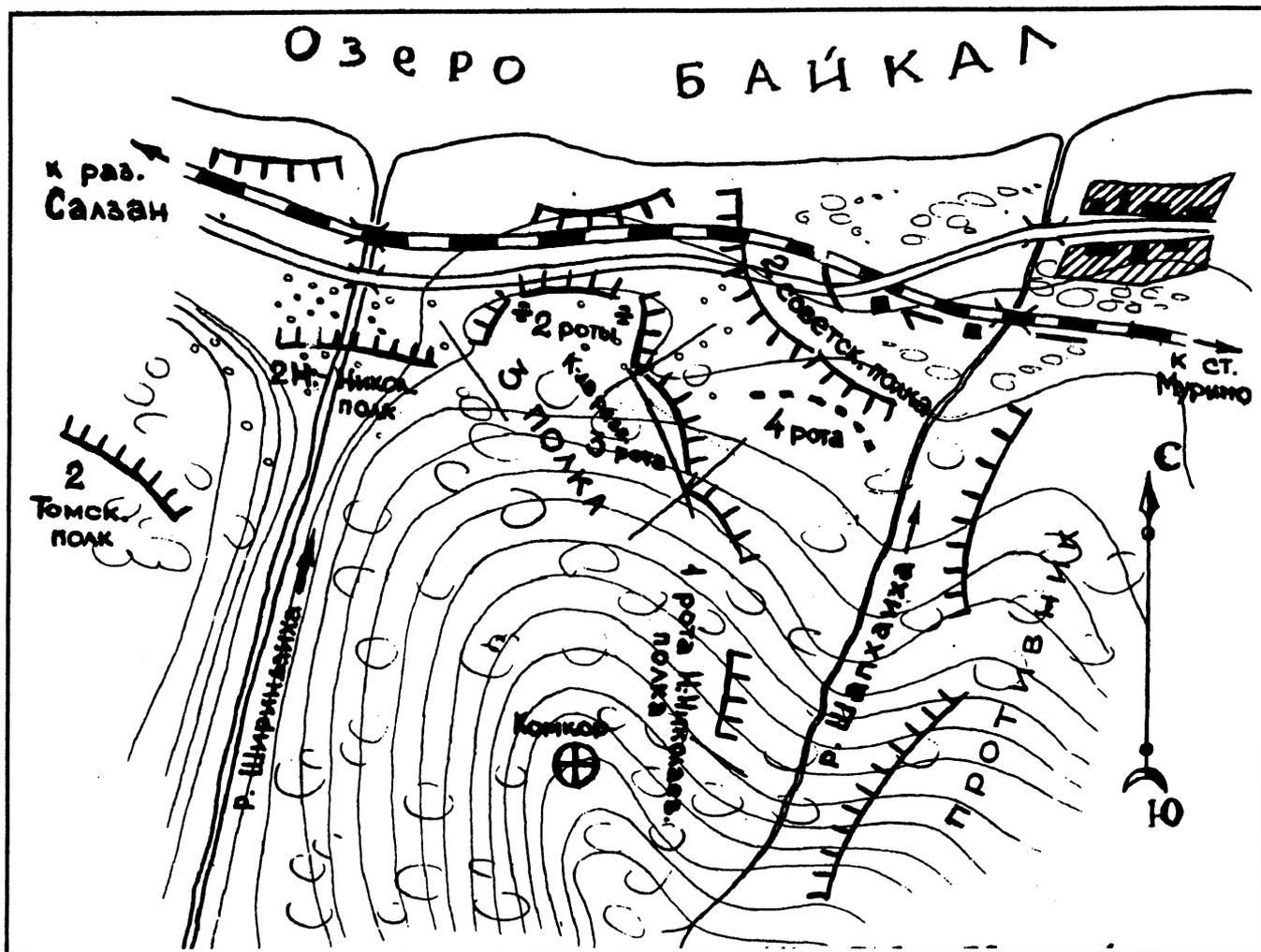
Заняв позицию, была выслана команда подрывников 2-го Новониколаевского полка и охотников для порчи пути. Но сразу испортить путь не удалось, так как при наступившей темноте часть команды подрывников оторвалась, и необходимых для взрыва материалов у оставшейся части на руках не осталось.

Тогда я выслал из 2-й роты команду для баррикадирования путей, каковая команда из шпал и рельс устроила временные заграждения пути.

В 23 часа 40 минут команда

¹ Далее вычеркнуто: "по линии по направлению к разъезду Салзан. В..."

² Помещенная в публикации схема составлена на основе кроки, приложенных к реляции полковника Укке-Уговца.

подрывников вторично собралась и, под прикрытием части Комендантской роты и 2-й роты полка, направилась на путь для порчи его.

При выходе на линию железной дороги команда подверглась обстрелу из своих же частей, расположенных влево от мостика. Попав под обстрел, люди подрывной команды вновь рассеялись, и порча пути опять не была произведена.

Только после вторичного сбора команды подрывников, в 1 час 10 минут 6-го Августа, был взорван путь в трех местах и испорчена одна линия телеграфных проводов.

После взрыва до 6 часов стояло

все спокойно. С рассветом стали приближаться части противника для ликвидации нашей засады, началась стрельба из броневиков и стали двигаться цепи на наше расположение.

Приближающийся противник расстреливался нами из ружей и пулеметов, а, в свою очередь, со стороны противника была орудийная, ружейная и пулеметная стрельба.

В течение всего дня противник принимал всевозможные меры к сбитию полка (главным образом, 2-й роты и части 3-й роты) с той позиции, на которой они находились; так эти части полка исполня-

ли главную задачу засады: не дать возможности прорваться составам противника, попавшим в кольцо, путем исправления разрушенного участка пути на другую сторону, к станции Мурино.

Противник шел одновременно с трех сторон — с разъезда Салзан, со станции Мурино и с озера Байкала стрелял с парохода "Ангара".

К 11 часам 40 минутам у броневиков, отрезанных от своей базы — станции Мурино, истощился запас снарядов. Противнику удалось как-то дать¹ знать об этом на "Ангара", и с той была спущена шлюпка, по-видимому, со снарядами², которая³ пошла по

¹ В тексте: "Удалось противнику дать как то дать знать..."

² В тексте: "... и с той была по видимому спущена шлюпка со снарядами. "

³ В тексте: "... и ..."

ОПИСАНИЕ

боя 2-го Томского Сибирского
Стрелкового полка 4 — 7
Августа 1918 года у реки
Шириндаиха (близ разъезда
Салзан)

Согласно полученного приказа вверенный мне полк в 1 час ночи на 4 Августа 1918 года с разъезда Салзан выступил, находясь в отряде Полковника Вишневого, в направлении на станцию Мурино.

Пройдя по линии железной дороги до реки Шириндаиха, полк свернул в лошину названной реки вправо и скрытно расположился биваком вглубь, приблизительно в 2½ версты от линии.

На высокой сопке, по нашу сторону реки, мной лично немедленно был выставлен наблюдательный пост — три человека, зрительный обзор которого был обширен как вперед, так вправо и влево по полотну железной дороги. В ложине, на расстоянии ¾ версты от бивака, также был выставлен наблюдательный пост — для наблюдения лощины. В ложине же в полуверсте от бивака был рассыпан в цепь дежурный взвод для охранения войск, находящихся в засаде.

На ночь охранение было усилено двумя секретами, выставленными на полверсты от линии железной дороги, а наблюдательный пост на сопке сменился полевым караулом, куда из штаба полка был проведен телефон.

В ложине полк простоял спокойно до 5 Августа, около 16 часов которого было получено донесение с наблюдательного поста, находящегося в ложине, что им замечено спешенных 4 неприятельских кавалериста, которым, как видно, было известно расположение засады, исходя из того, что они очень осторожно пробирались вперед — для разведки. Позднее выяснилось, что этому способствовали разбежавшиеся жители.

направлению разъезда Салзан, но в это время из подхлотившей части Полковника Гайды была открыта орудийная стрельба по “Ангаре”, и последняя, повернувшись, стала быстро уходить назад; тогда шлюпка, боясь остаться, тоже повернула обратно и пустилась по направлению станции Мурино, но держась все время вдали от берега.

Потерпев неудачу в пополнении снарядами отрезанных броневиков, противник решил покинуть их и прорваться обратно на станцию Мурино.

С 12 до 14 часов противник вел почти непрерывные атаки на позиции полка — шел цепями и стрелял из пулеметов.

В 14 часов 10 минут обнаружился обход противником нашего правого фланга, и пришлось требовать на подкрепление одну роту 2-го Новориколаевского полка, бывшую в резерве.

Она заняла позицию правее 3-й роты полка, загнув правый фланг и выставив заставу вправо. Рота подошла, и началось отбитие последней атаки противника.

Противник наступал² со стороны станции Мурино цепями.

Будучи отбиты, цепи противника убегали к железнодорожной будке, верстах в двух от нашей позиции, но там ожидал беглецов новый состав войск в поезде, который, забрав убежавших, привозил их обратно к нашим позициям (шагов на 1000), вновь выгружал, и они опять шли в атаку; так продолжалось 5 — 6 раз, но каждый раз все атаки были отбиваемы нашим огнем.

При последней атаке, около 16 часов, противник подошел на очень близкое расстояние, так что можно было разговаривать с ним простым голосом (из этих разговоров выяснилось, что против нас действовал 2-ой Советский полк и мадьяры).

Обход противника был ликвидирован к 17 часам, и части противника, подошедшие к горе,

не дождавшись нашего отступления решили отступить; отступление носило характер бегства, и полк расстреливал бегущего противника сколько мог.

После этой последней атаки противник не переходил к активным выступлениям, а исключительно занимался бегством из мешка около разъезда Салзан. Люди бежали по линии и по берегу озера Байкала толпами и попадали под убийственный огонь наших частей; но все-таки люди бежали, и уже только кому удавалось добраться до будки, около переезда через тракт, там они понемногу группировались, но при первом залпе — рассеивались по краям дороги.

В 17 часов 40 минут стали подходить части из отряда Полковника Гайды, и стрельба стала стихать.

Вперед пошли части, которые должны были нас сменить, и я по приказанию Командира корпуса собрал полк и спустился под гору на линию.

Там, после подбора раненых и убитых, полк погрузился на один из отбитых у противника составов и отбыл на станцию Утулик, откуда в 10 часов 7-го Августа и прибыл на станцию Слюдянка.

За время боев 4, 5 и 6 Августа полк отбил: 5 Августа — 4 атаки, 6 Августа — 12 атак, понеся за все время убитыми — 2, ранеными — 9, контуженными — 1 и без вести пропавшими — 4 человека.

Добычи захватить никак не удалось, так как полк принужден был все время безотлучно находиться на позиции и отражать атаки противника. Прочие же полки, как только первый поезд был нами остановлен и расстрелян, пошли делить между собою добычу, находящуюся в неприятельских поездах.

*Командир 3-го Томского
Сибирского Стрелкового полка,
Полковник Укке-Уговец*

¹ В тексте далее вычеркнуто: “последнем”.

² В тексте далее вычеркнуто: “только” и вписано от руки: “большими силами”.

Дежурный взвод хотел разведчиков перехватить, но этого сделать не удалось ввиду того, что последние, боясь, — скрылись обратно.

Через некоторое время справа — у реки, и слева — на сопке появились неприятельские разведки, силою по 20 — 30 человек каждая. Наблюдательному посту на сопке вынужденно пришлось открыть огонь, в результате которого один неприятельский разведчик был ранен.

Доложив начальнику отряда о случившемся, я получил приказание: полку занять то положение, которое было предназначено для боя при составлении задачи всей операции.

Я немедленно, рассыпав в цепь 2-ю роту в лощине, приказал 1-й роте обходным путем влево занять левый склон сопки у полотна железной дороги. 3-й роте — приказал находиться в резерве. Начальника отряда.

По распоряжению Начальника отряда под мое командование перешел взвод Чехо-Словаков под командой Прапорщика Седлячек, которому я приказал не разрываясь двигаться в цепи левее 2-й роты.

В полковом резерве мной был оставлен взвод 2-й роты. Пулеметы были приданы каждой роте, причем один из них занял небольшую, вдающуюся в лощину, сопку, с которой он имел обстрел всей лощины вперед до линии.

1-я рота, получив приказание, ушла в обход для выполнения данной ей задачи, 2-я рота с пулеметом и взвод Чехо-Словаков, под моим командованием, двинулись вперед, подвергаясь обстрелу противника.

Положение было тяжелое, ввиду того, что высланная вперед разведка не могла дать точных сведений о противнике, так как вправо и влево находились едва

приступные сопки и уже сгущались сумерки.

Учитывая положение и наступающую ночь, я двигался насколько было возможно быстро, находясь все время под обстрелом.

Наконец, немного не дойдя до полотна железной дороги, полк стал занимать позицию, что также при темноте было очень трудно.

Вперед были высланы 14 человек для устройства преград по двум путям линии железной дороги, что и было ими исполнено — пути были загорожены¹ в десяти местах — рельсами, шпалами, камнями.

В 11 часов ночи позиция 2-й роты была занята, она проходила² по исходящей сопке влево от лощины и имела³ обстрел во все стороны; левее 2-й роты — связался взвод чехо-словаков и со взводом последних влево — связалась 1-я рота.

При занятии означенной позиции, ротам пришлось рассеяться в разных концах неприятельских разведчиков.

Правее полка, занявшего позицию, находилась лощина, для обзора которой был выставлен мной караул.

За лощиной вправо шла перпендикулярная линии железной дороги командующая сопка, которая была занята отрядом Полковника Пепеляева.

Влево от полка позиция была занята 10-й и 11-й ротами Чехо-Словаков.

Таким образом, полк, обеспеченный во флангах, применяясь к местности — окапывался.

Около 24 часов к месту расположения полка с разъезда Салзан медленно подошел неприятельский эшелон и вынужден был остановиться, ввиду заграждения пути. По моему приказанию люди полка находились наготове, но, не производя ни одного выстрела, дали⁴ эшелону подойти вплотную к пози-

ции. Когда же противник высадил рабочих для исправления пути, я приказал открыть по ним огонь, чем произвел в эшелоне большую панику: слышались крики, подаваемые команды — на мадьярском и русском языках, — разобрать было из-за гула выстрелов что-либо трудно, отчетливо был лишь слышен крик: "Цепь вправо!" По нам из эшелона был открыт частый ружейный огонь и очереди двух пулеметов.

Через 20 минут нашим огнем цепи противника вынуждены были разбежаться, а поезд — уйти обратно на разъезд Салзан. Возвращение настоящего состава на разъезд Салзан имело большое значение, ввиду того, что он собой загородил на пути остальные составы и один из броневиков, так как на разъезде Салзан переводные стрелки были сломаны, и, таким образом, все, стоящее на этом пути, не могло быть переведено на 2-й путь.

До рассвета 6 Августа было спокойно. На рассвете, обходя по позиции полка, я увидел, что роты, стоящие влево от 2-й роты, сложились в лощине, что, ввиду росшего там кустарника, было неудобно для обстрела, а потому я поставил их уступом сзади за 2-й ротой — на высоте.

Утром к позиции полка подошел вражеский броневик, который открыл пулеметный, ружейный и из приспособленного орудия огонь по сопке, но продвинуться вперед к сопке Полковника Пепеляева не мог, так как путь был загорожен; и, кроме того, Ново-Николаевским полком был захвачен поезд с продовольствием, паровоз которого был сведен с рельс, и тем заградил путь вперед.

Броневик ушел обратно, после чего я приказал загородить пути в шести местах впереди сопки —

¹ В тексте — "загородив".

² В тексте — "находясь на".

³ В тексте — "имея".

⁴ В тексте — "дав таким образом".

камнями и шпалами, — что и было сделано.

Часам к 11 дня, за версту от моей сопки влево, подошли все неприятельские составы и броневики, один из них все время ходил взад и вперед до сопки, проведя за собой цепи противника, непрерывно обстреливая полк из орудия и пулеметов, цепи также со всех сторон обстреливали сопку частым ружейным и пулеметным огнем.

Цепи противника все время пытались обойти, но все попытки их были полком отбиты с большими для противника потерями.

Около 15 часов мной был обнаружен неприятельский обход моего левого фланга густыми цепями. Цепи шли по мертвому пространству, вдоль сопки с левой стороны.

Через 10 минут после обнаружения мной была уже рассыпана в цепь резервная 3-я рота по вершине вдоль лощины, она связалась¹ с Чехо-Словаками и 2-й ротой, и дисциплинированными залпами противник, бросавшийся² три раза в атаку, с большими потерями был отбит, и, таким образом, обход был ликвидирован.

За этот промежуток полк потерял 3 убитыми³ и 4 ранеными⁴.

Несколько частичных обходов противника были также отбиты для него с потерями.

Полк вел бой на три фронта: по направлению к линии железной дороги; вправо — на лощину к сопке Полковника Пепеляева и влево — на лощину, обращенную в сторону разъезда Салзан.

Ледокол “Ангара” временами обстреливал сопку. Приблизительно к 17 часам все цепи противника пулеметным и ружейным огнем были ликвидированы. Около 18 часов был услышан сигнал отряда Полковника Гайда, который был встречен криками: “Ура!” Я, вместе с восемью человеками полка, сошел с сопки к броневикам и со-

ставам, где и приветствовал Полковника Гайда.

*Командующий 2-ым Томским Сибирским стрелковым полком,
Капитан Пирожков*

ИЗ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 1-ой ТОМСКОЙ СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

1 АВГУСТА

Приказом по 1-му Средне-Сибирскому корпусу за № 1/оп. [пометка на полях: “1/оп по корп.”] приказано ликвидировать наступление противника, для чего упорно оборонять позицию западнее станции Мурино, по линии реки Лангутай и высоты. Короткими ударами на фланги противника наносить возможно большие потери.

На позицию встали: Барнаульский полк — 4 роты и 5 пулеметов, 1-ая Легкая батарея, 4-ая Чешско-Словацкая Гаубичная батарея — 4 орудия.

В резерве: 2-ой Ново-Николаевский полк — 3 роты и 4 пулемета, 7-ой Чешско-Словацкий полк — 4 роты и 16 пулеметов, 1-ый Томский эскадрон — 60 сабель. На станции Утулик — 2-ой и 3-ий Томские полки.

Пункт с припасами вооружения и провианта — на станции Утулик.

2 АВГУСТА

В 4 часа 30 минут противник, открыв сильный орудийный и пулеметный огонь с броневиков, пытался приблизиться к нашим позициям, но ружейным и пулеметным огнем был отбит.

С 18 до 18 часов 20 минут противник вторично пытался наступать, но опять неудачно для себя.

Ночью шла перестрелка.

Полковник Р.Гайда, Командующий войсками Восточного фронта. 1918

3 АВГУСТА

На фронте — поиски разведчиков. 1-ый Томский полк назначен для несения караульной службы на станции Слюдянка.

4 АВГУСТА

Для исполнения приказа Комкора за № 1/оп на позицию были выдвинуты 2-ой и 3-ий Томские полки и две роты 7-го Чешско-Словацкого полка.

В 10 часов Комкор собрал командиров частей и объяснил задачу наступления, которая заключалась в следующем: 4 и 5 августа части должны были сидеть скрытно не выступая, а 6 августа в 2 часа 3-му полку занять позицию вправо от моста через реку Шириндаеху, а двум ротам Чехо-Словаков и 2-му Томскому полку занять позицию влево от реки Шириндаехи. 2-му Ново-Николаевскому полку и двум ротам 7-го Чешско-Словацкого полка наступать на станцию Мурино.

¹ В тексте — “связавшись”.

² В тексте — “бросавшись”.

³ В тексте — “убитых”.

⁴ В тексте — “раненых”.

Подрывному отряду 2-го Ново-Николаевского полка 5 августа в 24 часа взорвать путь у моста через реку Шириндаеху и прекратить телеграфное сообщение между разездом Салзан и станцией Мурино.

Ночь прошла спокойно.

5 АВГУСТА

В 14 часов против 2-го Томского полка поднялась стрельба, утихшая довольно скоро. В 18 часов вновь поднялась стрельба, настолько продолжительная и учащенная, что можно было установить об открытии нашего местонахождения. Тогда 3-ий полк решил занять заранее намеченную позицию.

Во время занятия позиции, 4-ой роте пришлось броситься в атаку на броневик, который подался назад, увлекая за собою густую цепь противника.

К 20 часам. Полки заняли свои позиции. Железнодорожный путь у моста через реку Шириндаеху взорван не был. В этот день 3-ий полк отбил четыре атаки.

6 АВГУСТА

В 1 час 10 минут путь был взорван. После взрыва до 6 часов было спокойно. Часов в 7 противник несколько раз приближался к нашим расположениям, но огнем из наших пулеметов был принужден отходить на свои позиции.

В 11 часов 40 минут у броневиков вышли все снаряды. Путь был взорван, и противник решил их бросить.

С 12 часов до 14 часов противник повел непрерывные атаки на наше расположение, чтобы прорваться на станцию Мурино. Но все атаки противника ни к чему не привели.

В 16 часов противник, собрав все свои силы, повел последнюю атаку, но и эта атака была отбита, благодаря нашему убийственному пулеметному и ружейному огню. Противник начал отступать. Отступление носило характер бегства. Красные толпами попадали под убийственный огонь наших частей. Станция Мурино была занята.

К 20 часам была занята станция Выдрино. 3-ий Томский полк отбил за этот день 12 атак, а 2-ой Томский

— 8. Потери со стороны наших частей были незначительны.

7 АВГУСТА

Дивизию поставили на отдых на станцию Слюдянка.

8 АВГУСТА и 9 АВГУСТА

Без перемен.

10 АВГУСТА

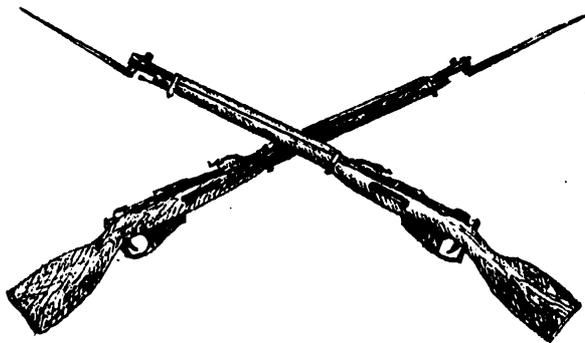
Из дивизии [пометка на полях: "тлг Комкора без №"] выделено от каждого полка по одному Командиру полка и десяти младших офицеров для отправки в г. Томск для формирования кадровых полков.

11 АВГУСТА

Без перемен.

12 АВГУСТА

4-ый Томский полк несет сторожевое охранение станции Мурино со стороны озера Байкал и занимается поимкой красногвардейцев, разбежавшихся по лесу во время боя 6 Августа.

НЕВРУЧЕННАЯ НАГРАДА

Смерч висел над Крымом,
Но спасли мы Крым.
Быль умчалась дымом,
Подвиг наш — не дым!

Песня защитников Крыма.

В декабре 1919 года Главкомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант А.И. Деникин отдал войскам 3-го армейского корпуса приказ отходить в Крым, принимая на себя оборону полуострова от наступающих частей Красной армии. Донесением командующего корпусом генерал-майора Якова Александровича Слащова Деникину о том, что защиту Крыма он считает для себя “вопросом не только долга, но и чести”¹ начался период Гражданской войны на Юге России, вошедший в историю и легенды того времени как звездный час “генерала Крымского” (этот почетный титул был впоследствии присвоен Слащову официально²).

Силы, которыми располагал командующий 3-м корпусом, были невелики. В состав корпуса входили 13-я пехотная дивизия (49-й Брестский, 50-й Белостокский, 51-й Литовский и 52-й Виленский пехотные

полки; начальник дивизии генерал-майор Г.Б. Андгуладзе) и 34-я пехотная дивизия (133-й Симферопольский, 134-й Феодосийский, 135-й Керчь-Еникальский и 136-й Таганрогский пехотные полки; начальник дивизии генерал-майор И.М. Васильченко, затем генерал-майор князь Н.П. Стокасимов). Кроме того, при отступлении с Украины в Крым Слащов властью старшего начальника включал в состав своих войск все боеспособные части, которые действовали в этом районе. Так в корпус вошли 2-ая Донская конная бригада (62-й Донской конный полк, Конвойный полк Командующего Донской армией и две конные батареи; командующий бригадой полковник В.И. Морозов); Сводно-Чеченский конный полк (генерал-майор А.П. Ревшин); Славянский стрелковый полк (генерал-майор Вицентьев); Сводно-Стрелковый полк (полковник Г.К. Гравицкий)³; “восемь, хотя и испорченных, бронепоездов”⁴ и шесть танков, отступавших в том же направлении. Уже в Крыму на фронт был вызван Сводный батальон Кон-

стантиновского военного училища (полковник Сребницкий; после его гибели в бою батальон возглавил полковник Худяков), который, вместе с Конвойным дивизионом Комкора (капитан М.В. Мезерницкий) использовался Слащовым в качестве своего личного резерва. Из отступивших в Крым и находившихся там ранее частей Слащов формирует Перекопский конный отряд (полковник Морозов; помимо 2-ой Донской бригады, в состав отряда вошли кадры некоторых полков регулярной кавалерии; в источниках упоминаются 8-й гусарский Лубенский, 10-й гусарский Ингерманландский, 3-й драгунский Новороссийский, 1-й уланский Петроградский, а также кадры полков 9-ой кавалерийской дивизии), Арабатский и Сводно-Гвардейский отряды... Читателя не должна обманывать кажущаяся многочисленность воинских частей: в так называемых полках было зачастую по 100 — 200 штыков или шашек, а общую численность войск корпуса Слащов оценивал в 2200 штыков и 1200 шашек⁵.

¹ См.: Слащов-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы. — Константинополь, 1921. — Стр. 12. Эта же фраза прозвучала и в первом приказе Слащова, опубликованном после его прибытия в Крым. См: Слащов Я.А. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. — М.-Лг, 1924. — Стр. 37.

² “Дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы, — дорогому сердцу Русских воинов генералу Слащову именоваться впредь — Слащов-Крымский”. (Из приказа Главкомандующего Русской Армией № 3505 от 6 /19 августа 1920 г.) — Цит. по: Слащов. Требую суда... — Стр. 49.

³ В воспоминаниях Слащова (“Крым в 1920 г.”) — 1-ый Кавказский стрелковый полк. Полковник Гравицкий командовал у Слащова Арабатским отрядом.

⁴ Слащов. Крым в 1920 г. — Стр. 26.

⁵ Там же. — Стр. 24. Эта оценка — 3-3,5 тыс. чел. — подтверждается и другими источниками. Вообще, составление боевого расписания частей, оборонявших Крым, сильно затруднено наличием большого числа отрывочных упоминаний о различных подразделениях и частях, состав, роль и подчиненность которых неясны (например, Пинско-Волынский батальон, добровольческие отряды из немцев-колонистов и др.). Кроме того, в охваченном манией всевозможных формирований Крыму возникало много отрядов, деятельность которых была, мягко говоря, сомнительной — таких, как отряд капитана Н.Орлова, “прославившийся” не боевыми подвигами, а выступлениями против начальства и грабежами банков, или отряд капитана 2-го ранга Кисловского, после возвращения из кратковременной десантной операции в феврале 1920 г. не пожелавший уходить с посылного судна “Веста”, поселившийся и живший на нем вплоть до мая, когда его все-таки удалось выгнать.

Частям 3-го армейского корпуса противостояли войска советской 13-ой армии, из которых непосредственно против Крымских перешейков были сосредоточены 4 стрелковые и 2 или 3 кавалерийские дивизии¹. Неравенство сил становится еще более очевидным, если вспомнить, что в отличие от четырехполковых дивизий Белой армии, Красные дивизии насчитывали в то время по 9 полков. И все же, несмотря на недостаток сил, царившую в тылу дезорганизованность и неразбериху, несмотря на клевету и злобные сплетни, распространявшиеся о Слащове завистниками и недоброжелателями, — 3-ий корпус, проявив отменное мужество и стойкость, сумел удерживать Крым и сохранить тем самым территорию, на которой смогли переформироваться и оправиться от недавних поражений эвакуированные из Одессы и Новороссийска остатки Деникинских армий. В ознаменование заслуг корпуса и его доблестного вождя, приказом Деникина корпус был назван “Крымским”. Естественно было бы предположить, что по окончании самого тяжелого периода обороны, когда весной 1920 г. фронт был уже значительно укреплен и новый Главнокомандующий, генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель, наводил в Армии порядок, “Крымчаков” ожидала бы общая награда.

Однако на судьбе этой награды (а быть может — и на судьбе всего Белого движения на Юге России) роковым образом сказались разногласия и неприязнь между Врангелем и Слащовым, вылившиеся вскоре в открытую вражду. И первой “наградой”, полученной от Врангеля корпусом, стало переименование его (16/29 апреля 1920 г.) во “2-ой армейский”, после чего почетное имя “Крымский” исчезло из

употребления. Уязвленный невниманием, генерал Слащов, не отрываясь от фронтных дел и забот, неоднократно обращается к Главкому с подчеркиванием заслуг своих войск и ходатайством об учреждении для них специальной награды. Так, еще в начале апреля, перед отъездом на фронт Слащов направляет Врангелю “в собственные руки” письмо, в котором пишет: “Посылаю Вам ряд бумаг, которые прошу, для пользы дела, утвердить теперь же, в особенности — рапорт о Кресте...”² (В своих воспоминаниях Слащов пояснял: “Я просил наградить корпус особым крестом за защиту Крыма”³.) Но в силу каких-то причин в качестве будущей награды Слащовцам Врангель избрал не столь желанный Крымскому герою крест, а “знак отличия на головной убор”, ставший одной из самых больших загадок в истории наград Белого движения. Известный исследователь П.В. Пашков в своем труде “Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917 — 1922 годов” очень глухо упоминает о награде за оборону Крыма, не приводя, ввиду их отсутствия, ни описания, ни сколько-нибудь подробных сведений о ней⁴. С тех пор не стало известно ни одной такой награды, не вызывающей серьезных сомнений в своей подлинности. Не обнаружено пока и ни одного официального документа по этому вопросу. Единственным же источником, приводящим сведения о награждении войск этим знаком, являются статьи в белой прессе Юга России, описывающие посещение Врангелем 4/17 июня 1920 г. Мелитополя, незадолго перед этим отбитого у красных войсками Слащовского 2-го армейского корпуса.

В трех сохранившихся статьях из различных газет⁵ содержатся не только различные варианты надпи-

Генерал-лейтенант Я.А. Слащов-Крымский. 1920.

си (“За защиту” или “За оборону Крыма”), но и разногласия по вопросу о том, какие же части были этим знаком награждены. В газете “Великая Россия” приводятся слова Врангеля, обращенные к встречавшему его на вокзале кавалерийскому полку (командир полковник Мезерницкий; полк сформирован в мае 1920 г. на основе конвоя генерала Слащова): “В воздаяния заслуг перед Родиной я награждаю ваш полк знаком отличия на головном уборе с надписью “За оборону Крыма”. Тот же эпизод в изложении А. Валентинова выглядит уже несколько иначе: Главком “обходит почетный караул, благодарит за службу, награждает — славную 34 пехотную дивизию редкой наградой — надписью на головном уборе “За защиту Крыма”. Наибольшее же доверие внушает написанный по свежим

¹ См.: Слащов. Крым в 1920 г. — Стр. 35.

² Цит. по: Слащов. Требую суда... — Стр. 13. Разрядка Я.А. Слащова.

³ Там же. — Стр. 13.

⁴ “Приказом генерала Врангеля частям корпуса генерала Слащова, героически оборонявшим Крым в зиму 1919-20 гг., даны знаки на головные уборы с соответствующей надписью”. Далее Пашков отмечает: “К сожалению, не удалось найти ни описаний, ни рисунков” этой награды. См.: Пашков П.В. Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917 — 1922 годов // Военная Белья. — №49. — Париж, июль 1961. — Стр. 28.

⁵ Ген. Врангель в Мелитополе // Голос (Мелитополь) — № 2, 5/18 июня 1920; заметка под тем же названием в газете “Великая Россия” (Севастополь). — №30 (442), 7/20 июня 1920; Валентинов А. Главнокомандующий в Мелитополе // Военный Голос (Севастополь). — № 51, 9/22 июня 1920.

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. 1920.

следам репортаж из мелитопольского "Голоса", дающий ... третий вариант:

"Выйдя из поезда и приняв рапорт ген. Слащова, Главнокомандующий поздоровался с караулом и, поздравив с наградой, объявил, что корпус ген. Слащова получит надпись на головных уборах "за защиту Крыма".

Итак, награждения, как такового (т.е. выдачи знаков), очевидно, не было — Врангель просто объявил, что оно состоится в будущем; восприятием его слов на слух и объясняются разночтения в тексте несуществующей надписи. Обещана же награда была, конечно, всем войскам, отличившимся при обороне Крыма.

Но что же, собственно, должен был представлять собою этот "знак отличия на головной убор"? В Российской Императорской Армии подобные знаки в виде металлической пластинки — "ленточки" с надписью были распространенной наградой воинским частям и носились над кокардой на фуражках и папахах и над Андреевской звездой или изображением двуглавого Орла — на киверах, касках, гусарских шапках. Видимо, так же должна была выглядеть и награда Крымскому корпусу; но в таком случае вызывает недоумение следующая фраза из воспоминаний Слащова: "Дана была (в награду корпусу. — А.К.) бляха на шапку (вроде, как у городских в старое время)..."¹

В самом деле, кадровый офицер Лейб-Гвардии Финляндского полка Я.А. Слащов, сам в течение десяти лет носивший на шапке подобную ленточку "За Филиппополь 5 января 1878 г.", данную полку за подвиги в Турецкую войну, не мог не знать о том, что знак на головной убор — не унижающее "второсортное" нововведение, а старая, традиционная и весьма почетная Русская награда, — как не мог он не знать и того, что подобная деталь

¹ Слащов. Требую суда... — Стр. 13.

головных уборов чинов полиции ничем принципиально не отличалась от армейской. (У полицейских “ленточка” была не наградой, а просто одним из элементов формы. Единственным, что отличало ее внешний вид от армейского, было изображение городского герба над верхним краем “ленточки”.) Чем же объяснить подобную несообразность, тем более, что она ставила автора под угрозу обоснованного опровержения?¹

Конечно, Слащов в своих воспоминаниях был небеспристрастен и иногда чрезмерно эмоционален, и в этой фразе безусловно сказались раздражение тем, что все просьбы о Кресте Крымскому корпусу остались неудовлетворенными. Но обида генерала была не только личной...

Действительно, просимый Слащовым Крест был бы индивидуальной наградой, положенной каждому из участников героической обороны. Подобных наград в истории Белого движения на Юге России известно немало — это и знак отличия “За 1-ый Кубанский (Ледяной) поход”, и “Медаль Дроздовцам”, и — учрежденные уже в Крыму Врангелем — кресты за Екатеринославский поход отряда генерала Васильченко (1918 — 1919) и поход

отряда генерала Бредова (1920)². Учреждение двух последних наград должно было особенно уязвить Слащова: в самом деле, при всем уважении к мужеству и стойкости чинов отрядов Васильченко и Бредова нельзя не признать, что значение их действий для всего хода Белой борьбы, конечно, было несравнимо со значением удержания Крыма Слащовым, которое, по его собственному признанию, “затянуло гражданскую войну на целый год”³. Выбранная же Врангелем для награждения Слащовцев “ленточка” по самой своей сути являлась наградой коллективной, присваиваемой только воинским частям и подразделениям в целом.

Но большинство частей, героически отстаивавших Крым зимой 1919-1920 г., весной в ходе Врангелевских преобразований структуры армии было реформировано! Из списков Вооруженных сил Юга России исчезли Славянский стрелковый, Сводно-Стрелковый, Сводно-Чеченский конный полки, в результате чего награждение ранее служивших в них офицеров и солдат могло стать весьма проблематичным. Подверглась реорганизации кавалерия, и кадры старых Русских частей были сведены в “номерные” кавалерийские полки,

о награждении которых “Крымской ленточкой” (за исключением “Слащовского” 8-го полка) и речи не заходило. Донская бригада полковника Морозова (произведенного в генерал-майоры) была взята у Слащова и отдана в 1-ый армейский корпус генералу Кутепову, что опять же могло затруднить награждение (еще и потому, что между Кутеповским — Добровольческим — и Слащовским — Крымским — корпусами существовало соперничество, доходившее подчас до резкой неприязни)... Таким образом, для награждения “знаком отличия на головной убор” остаются лишь полки 13-ой и 34-ой пехотных дивизий. Но из восьми этих полков — два ... уже имели подобную награду⁴. С полками регулярной кавалерии получилось еще “лучше”: из семи упоминаемых, ранее награждены знаком на головные уборы были пять полков⁵. А поскольку форма обмундирования “традиционных” полков соответствовала старой форме Российской Императорской Армии⁶, ситуация складывалась весьма странная: даже если бы награждение “ленточками” за защиту Крыма и состоялось, их просто некуда было бы надеть! В старой Армии случай повторного награждения одного и того

¹ Справедливости ради заметим, что опровержений как раз не последовало. Оспаривались многие другие утверждения Слащова, но вопрос о Крымской награде так и остался открытым. Быть может, он был сочтен слишком мелким и незначительным (хотя, с другой стороны, беспочвенное уподобление “старорежимному” городскому вряд ли могло не задеть Белых офицеров, и без того очень щепетильных в тяжелых условиях изгнания). Возможно, что сыграла свою роль и малая распространенность этих знаков — коль скоро их никто никогда не видел, и дискутировать на эту тему не приходилось.

² Отряд генерал-майора И.М.Васильченко, сформировавшийся в Екатеринославе в 1918 году как 8-ой Украинский корпус, после падения “Украинской державы” Гетманом П.П.Скоропадского совершил 34-х дневный поход в Крым в условиях непрерывных боев. Отряд генерал-лейтенанта Н.Э.Бредова (собравшиеся к Одессе остатки войск Новороссийской и Киевской областей) с большими лишениями отступал из Одессы после разгрома основной части войск Новороссийской области в феврале 1920 года. После перехода границы Польши, Бредовцы были интернированы, а летом 1920 г. перевезены в Крым, где пополнили ряды Русской Армии Врангеля. Таким образом, потерпевшие поражение части войск Новороссии были награждены, а непобежденные (Крымский корпус) — остались без награды...

³ Слащов. Крым в 1920 г. — Стр. 41.

⁴ 51-ый пехотный Литовский и 52-ой пехотный Виленский полки. См.: Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры [Под ред. полковника В.К.Шенка]. — СПб, 1909. — Стр. 93, 94.

⁵ 3-ий драгунский Новороссийский, уланские — 1-ый Петроградский и 9-ый Бугский, гусарские — 8-ой Лубенский и 9-ый Киевский. См.: Кавалерия (кроме Гвардейских и Казачьих частей). Справочная книжка Императорской Главной Квартиры [под ред. полковника В.К.Шенка]. — СПб, 1909. — Стр. 24, 49, 57, 76, 77.

⁶ Для кавалерийских полков это было специально подтверждено приказом Врангеля (№3012 от 16/29 апреля 1920 г., пар.5).

Вариант знака «За защиту Крыма».

же полка знаками отличия на головные уборы, естественно, не был предусмотрен. И получается, что Врангель учредил (или намеревался учредить) награду, которую в принципе не могла бы носить добрая половина частей, подлежащих награждению ею...

Чрезвычайно щепетильный, генерал Слащов не мог не заподозрить в таком отношении к своим войскам интриги или попросту издевательство со стороны своих недругов в Штабе Главкома — начальника Штаба П.Н. Шатилова и генерал-квартирмейстера Г.И. Коновалова... Насколько подобные подозрения были оправданны — вопрос особый, но проявленное Врангелем невнимание к награждению Слащов-

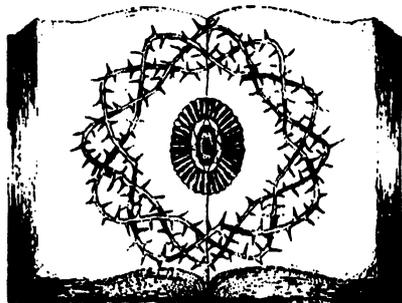
цев было в самом деле оскорбительным. Пытаясь понять причины этого невнимания, Слащов волей-неволей приходил к выводу, что виной всему — зависть и боязнь авторитета, которым заслуженно пользовался в войсках «генерал Крымский». «Переварить того, что кто-то исполнил свой долг и выполнил свою задачу — не могли», — раздраженно писал он в своих воспоминаниях о Врангелевских приближенных. Естественно, что рознь и вражда между вождями отразилась и на поведении их подчиненных.

Нет сомнений, что в Слащовском корпусе нашлись офицеры и солдаты, которые, узнав со слов самого Главкома о предстоящей награде, не стали дожидаться официального ее вручения. Неприязнь, питаемая Врангелем к Слащову, вряд ли была для кого-нибудь тайной (такие вещи обычно становятся известными мгновенно). А поскольку Слащовские «Крымчаки» тоже чувствовали себя уязвленными пренебрежением начальства, вопрос о ношении наград не мог не принять принципиального характера. Именно здесь, видимо, нужно искать разгадку происхождения тех

немногих, выглядящих подлинными, «Крымских ленточек», которые изредка встречаются в музеях и частных коллекциях². Возможно, что это самодельные (или выполненные по индивидуальному заказу) знаки отличия, которые могли надеваться демонстративно, как молчаливый укор Врангелю, во имя своих личных антипатий лишившему заслуженной награды Крымских героев.

Их мужество и стойкость фактически так и остались неотмеченными. Легендарная награда, даже если она и существовала, широкого распространения не получила. А после неудачной операции под Каховкой, когда в начале августа 1920 года был вынужден уйти в отставку Слащов, и особенно после его открытого конфликта с Врангелем, — вообще стал задвигаться в тень подвиг защитников Крыма, неотделимый в сознании Армии от окруженной легендами личности их опального вождя. Так в угоду власти преержащим исправляется история. Так совершается несправедливость.

*И все же —
Быль умчалась дымом,
Подвиг их — не дым!*

¹ Слащов. Требую суда... — Стр. 10.

² Экспертиза подлинности этих наград, конечно, очень затруднена, но наряду с откровенными новодами встречаются подчас и экземпляры, если и не являющиеся подлинными, то, по крайней мере, относящиеся к той эпохе. Примером может служить «ленточка» из Центрального музея Вооруженных Сил (Москва), изображение которой почти всегда (не совсем оправданно, без необходимого критичного подхода) однозначно воспринимается как эталон внешнего вида этих знаков отличия. Откуда попала «ленточка» в музей, пока неясно.

Любопытно, что даже Д.И. Петерс, несмотря на указания о наличии «Крымской ленточки» в коллекции зарубежного собирателя А.Ф. Долгополова (см.: Материалы к истории наградного дела Белого Движения 1918 - 1922 гг., собранные и подготовленные Д.И. Петерсом. — Филадельфия, 1991. — Стр. 13), в качестве иллюстрации приводит все ту же «московскую» фотографию (Указ. соч. — Таблица II, рис. 3), ограничившись упоминанием, что в коллекции Долгополова находился «подобный знак». Интересная деталь: по утверждению Д.И. Петерса, «зарубежная» «ленточка» сделана «из тонкой меди»; «московский» же знак (на фотографии этого, конечно, не видно) — жестяной...

В О Е Н Н А Я Б Ы Л Ь

№2 (131)

Апрель — Июнь 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!	1
<i>А. Васильев</i> КОННАЯ АТАКА 12-го ГУСАРСКОГО АХТЫРСКОГО ПОЛКА 29 АВГУСТА 1914 ГОДА (Документы с комментариями)	2
“ДОНСКАЯ ВОЛНА” (К 75-летию со дня выхода первого номера)	10
ПО СТРАНИЦАМ “ДОНСКОЙ ВОЛНЫ”	
<i>Виктор Севский</i> ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ	13
<i>Сергей Пинус</i> ИЗ ЦИКЛА “В ДОНСКИХ СТЕПЯХ”	15
<i>Валентин Петров</i> ГИМН ДУДАКОВЦЕВ.....	15
<i>Фил. Пенков</i> ОНИ ПРИДУТ	16
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ САЛЗАН. Из истории Гражданской войны на Востоке России летом 1918 года (Подборка документов). <i>Окончание</i>	17
<i>А. Кручинин</i> НЕВРУЧЕННАЯ НАГРАДА	25

Главный редактор А.КРУЧИНИН
Соучредители А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А. КРУЧИНИН
Художники В.МИЛЬКО, В.ТИТОВ

Редакция “Военной Были” выражает признательность за
помощь в издании журнала И.Гиркину и В.Дурову

© “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, 1993 При участии Издательской фирмы “А.В.Туров”

Перепечатка только с разрешения редакции.
При перепечатке ссылка на “Военную Быль” обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по
защите свободы печати и массовой информации
Свидетельство о регистрации № А-0154 от 10 декабря 1992 г.

В следующих номерах “ВОЕННОЙ БЫЛИ”:

Материалы, посвященные Царской Семье

Скорбная дата: 75 лет со дня цареубийства

Жизнь и гибель Князя Олега Константиновича

Памятники Великой войны:

Храмы и кладбища

Неизвестные страницы воспоминаний В.В.Шульгина

Портреты Белых вождей:

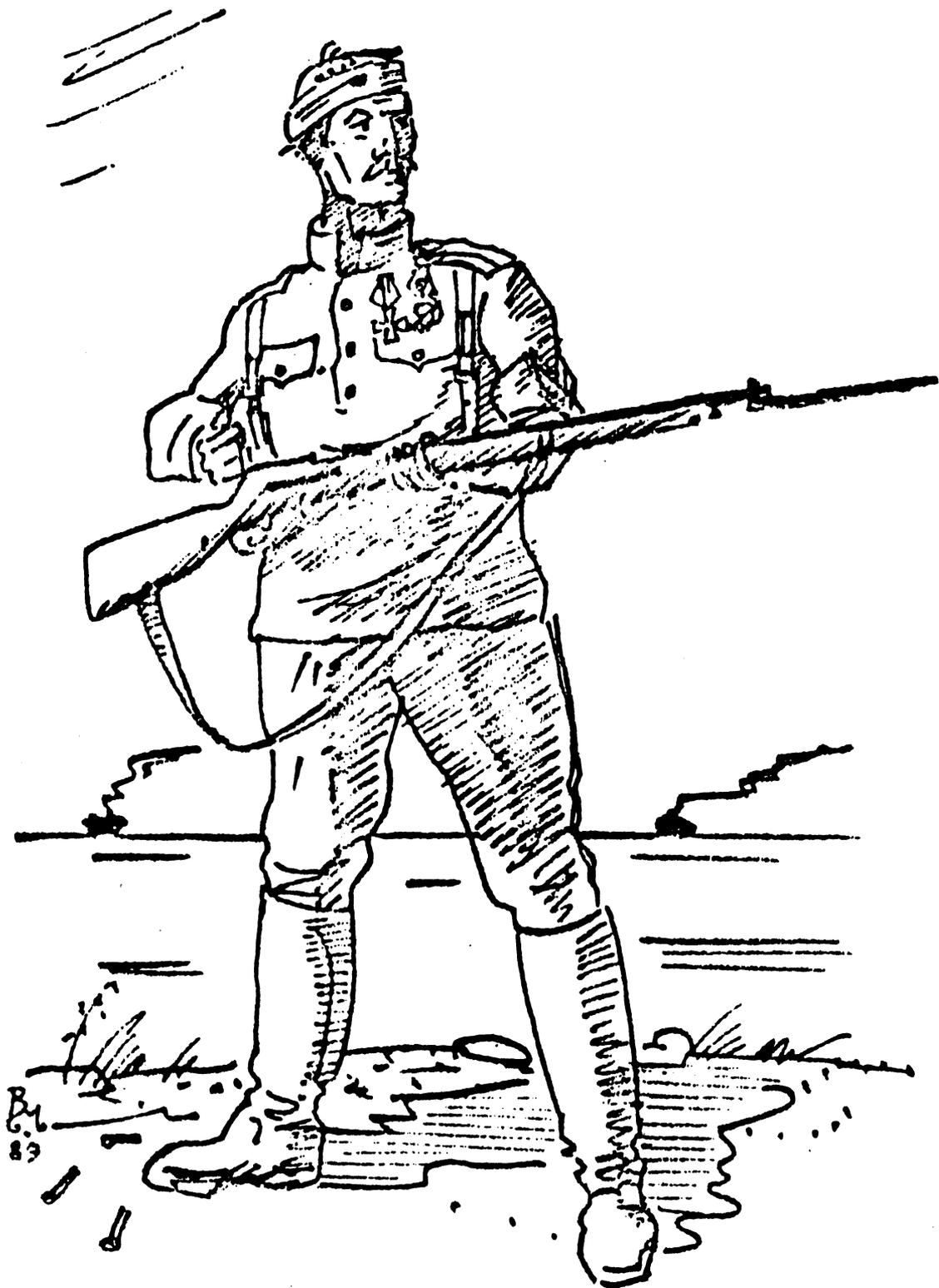
Генерал Дитерихс и граф Келлер

Батальная графика Н.С.Самокиша

“Белый угол”:

Страница формоведения Гражданской войны

Конно-гренадеры генерала Юзефовича

Последний...

Рис. В. Мельникова